

Древности Кубани

Древности Кубани

(вып. 13)

**Краснодар
1998**

ББК 63.4 (2 РОС37)

Д–74

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П., Фролов Б.Е.

Печатается по решению Ученого Совета Красно —
дарского государственного историко — археологического
музея — заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

© Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

Содержание

ВИНИДИКТОВ А.П. МЕТОДИКА СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА*	4
БЕРЛИЗОВ Н.Е. СТЕПНОЕ ПРИКУБАНЬЕ И ЗАКУБАНЬЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ	9
ПЬЯНКОВ А.В., ТАРАБАНОВ В.А. КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУБАНИ И ПОДОНЬЯ САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ: ЕДИНСТВО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЛИ СЛУЧАЙНОЕ СХОДСТВО*	18
ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.В. ТИПОЛОГИЯ СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СТЕПНОГО ПРИКУБАНЬЯ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЬЯ	32
ФРОЛОВ Б.Е. ПЕЧАТИ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ	37

МЕТОДИКА СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА*

Эта статья - краткий отчет о проделанной работе по изучению погребального обряда сарматов. Конечный результат работы предполагает на основе хорошо изученных комплексов определение признаков (т.е. датировки, антропологического типа и т.д.) малоизученных комплексов при помощи статистического исследования.

Методика сводится к тому, чтобы снизить погрешности вычислений при подготовке материала и по возможности убрать ошибки самих вычислений. В блок-схеме представлена последовательность выполнения операций и вычислений:

1. Подготовка таблицы-шаблона
2. Проведение канонического анализа на влияние обряда на
данный признак
если влияет, то переходим к следующему шагу
если не влияет, то данный признак не поддается исследованию
3. Проведение факторного анализа для снижения размерности
матрицы
4. Внедрение малоизученных комплексов
5. Проведение кластерного анализа
6. Обработка результатов

Рассмотрим подробнее каждый шаг.

Таблица состоит из комплексов и их признаков. В идеале таблица должна содержать только один тип признаков: качественный или количественный, и состоять из признаков типа 0 и 1 (или «да» и «нет»). Это делается для снижения доверительного интервала. Для этого мы должны разбить признаки. Например, положение рук: 1. Рука слева вытянута; 2. Рука справа вытянута и т.д. Этот признак можно разбить, по крайней мере, на два признака: левая рука и ее положение, правая рука и ее положение. Мы сознательно увеличиваем количество признаков (их размерность), потом мы ее снизим при помощи факторного анализа.

Использование в матрице одновременно качественных и количественных признаков не рекомендуется, т.к. дисперсия их различна, что может влиять на результат вычислений. Количественные признаки типа «Количество предметов в погребении», «Датировка» можно использовать как качественные.

Для начала создается таблица-шаблона, т.е. таблица содержащая только хорошо известные комплексы. Потом в нее внедряются малоизученные комплексы, неизвестные признаки в которых просто не используются (эти признаки мы убираем в процессе снижения размерности таблицы).

Далее рассмотрим несколько статистических методов, применяемых нами для статистического исследования обрядов:

Канонический корреляционный анализ (Canonical correlation analysis)

В отличие от обычного корреляционного анализа, в котором количественно выра-

жается взаимосвязь между двумя различными случайными величинами, канонический корреляционный анализ позволяет находить максимальные связи между двумя различными *группами* величин с совместным распределением. В каждой группе отыскиваются линейные комбинации исходных признаков, имеющие максимальные корреляции. Сначала ищется первая пара таких линейных комбинаций с самой сильной зависимостью, затем вторая пара, некоррелированная с первой, и т.д.

Факторный анализ (Factor analysis)

В отличие от метода главных компонент, факторный анализ основан не на дисперсионном критерии, а ориентирован на объяснение корреляций, имеющихся между признаками. Поэтому он применяется в более сложных случаях совместного проявления в структуре экспериментальных данных действия латентных факторов.

Корреляционный анализ (Correlation analysis)

Самый распространенный применяемый метод.

Корреляционным анализом называется многообразие методов исследования параметров генеральной совокупности, распределенной по нормальному закону. Корреляционный анализ позволяет с помощью выборки делать выводы о степени статистической связи (мера связи) между признаками.

Известно большое количество мер связи между признаками. Они отличаются как объемом вычислений, так и теми корреляционными аспектами, которые отражают. Можно выделить две представительные группы таких мер.

В первой используется принцип ковариации, а во второй принцип сопряженности признаков. Исходя из первого принципа, заключение о наличии связи между переменными делается в том случае, если увеличение значения одной переменной сопровождается устойчивым увеличением или уменьшением другой. Вторая обширная группа мер связи направлена на выяснение следующего факта: появляются ли некоторые значения одного признака одновременно с определенными значениями другого чаще, чем это можно объяснить случайным стечением обстоятельств.

В статистических пакетах реализованы процедуры вычисления мер связи как первой, так и второй группы.

Кластерный анализ (Cluster analysis)

Кластерный анализ предназначен для разбиения множества объектов на заданное или неизвестное число классов на основании некоторого критерия качества классификации (cluster – гроздь, пучок, скопление, группа элементов, характеризующихся каким-либо общим свойством). Критерий качества кластеризации отражает следующие неформальные требования:

- 1) внутри групп объекты должны быть тесно связаны между собой;
- 2) объекты разных групп должны быть далеки друг от друга;
- 3) при прочих равных условиях распределение объектов по группам должно быть равномерным.

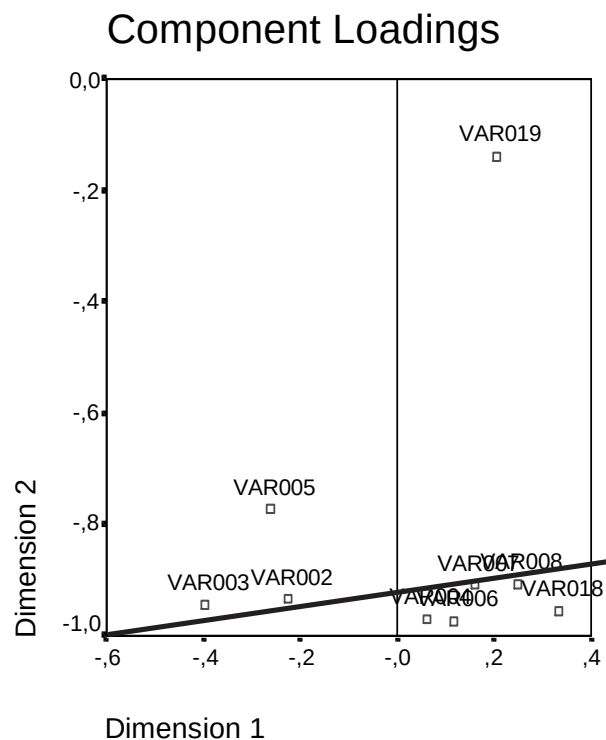
Требования 1 и 2 выражают стандартную концепцию компактности классов разбиения, а требование 3 состоит в том, чтобы критерий не навязывал объединения отдельных групп объектов.

Определяющим моментом в кластерном анализе считается выбор метрики (или меры близости объектов или признаков), от которого решающим образом зависит окончательный вариант разбиения на группы при заданном алгоритме разбиения. В каждой конкретной задаче этот выбор производится по-своему, с учетом главных целей исследования, физической и статистической природы используемой информации и т. п. Применяются три типа расстояния: евклидово, квадрат евклидова

расстояния и метрика сити-блок .

Методы расположены в той последовательности в которой мы их применяли.

Для проверки влияния обряда на данный изучаемый признак мы проводим канонический анализ, т.е. сравниваем две или более групп погребений. Группы формируются по случайному выбору, у каждой группы одно и то же значение изучаемого признака. Если анализ не дает сходство этих групп, то можно говорить, что обряд

Если обряд влияет на изучаемый признак, то далее проводим факторный анализ для снижения размерности таблицы и устранения шумов. И проводим корреляцию признаков, в которой выбираем по изучаемому признаку признаки с максимальной корреляцией. Корреляция проводится для уточнения факторного анализа.

В факторе первого уровня выбираем признаки с факторными нагрузками менее факторной нагрузки изучаемого признака и сравниваем с признаками выбранными в корреляционной таблице, **выбираем признаки совпавшие**. По выбранным при-

Proximity Matrix

	Euclidean Distance																			
	AR00001	AR00002	AR00003	AR00004	AR00005	AR00006	AR00007	AR00008	AR00009	AR00010	AR00011	AR00012	AR00013	AR00014	AR00015	AR00016	AR00017	AR00018	AR00019	AR00020
VAR0000		3,000	6,403	17,776	6,325	29,816	20,000	16,882	3,464	3,606	9,899	15,716	15,843	4,359	6,481	6,782	7,000	7,280	6,856	21,494
VAR0000	3,000		5,099	16,523	6,708	28,601	18,894	16,248	5,196	5,292	9,539	15,033	15,033	6,000	7,937	8,062	8,367	8,832	7,616	20,857
VAR0000	6,403	5,099		13,820	7,141	25,456	15,843	16,186	9,000	9,055	8,888	13,491	12,166	9,695	11,619	11,790	12,166	12,490	11,136	18,788
VAR0000	17,776	16,523	13,820		15,748	15,000	7,616	20,025	20,976	21,190	10,863	8,185	6,856	21,331	23,664	24,166	24,434	24,920	22,694	15,937
VAR0000	6,325	6,708	7,141	15,748		28,337	18,868	17,972	8,124	8,426	9,592	14,731	13,601	9,220	11,314	11,576	11,619	11,619	12,207	17,493
VAR0000	29,816	28,601	25,456	15,000	28,337		10,247	26,907	32,939	32,955	23,087	18,439	17,029	32,863	35,171	35,679	35,944	36,442	33,793	23,558
VAR0000	20,000	18,894	15,843	7,616	18,868	10,247		19,313	23,108	23,173	13,711	10,536	8,307	23,043	25,534	26,000	26,249	26,702	24,062	17,607
VAR0000	16,882	16,248	16,186	20,025	17,972	26,907	19,313		18,028	17,944	18,303	20,591	17,944	18,166	19,261	19,157	18,868	19,900	17,436	27,695
VAR0000	3,464	5,196	9,000	20,976	8,124	32,939	23,108	18,028		1,000	12,884	18,735	18,841	2,646	4,000	4,000	4,123	4,123	5,568	23,452
VAR0000	3,606	5,292	9,055	21,190	8,426	32,955	23,173	17,944	1,000		13,153	19,026	19,079	2,449	3,606	3,606	3,742	3,742	5,292	23,728
VAR0000	9,899	9,539	8,888	10,863	9,592	23,087	13,711	18,303	12,884	13,153		6,403	8,544	13,077	15,556	15,875	16,155	16,643	15,330	16,492
VAR0000	15,716	15,033	13,491	8,185	14,731	18,439	10,536	20,591	18,735	19,026	6,403		7,071	18,921	21,331	21,703	22,000	22,539	20,833	16,155
VAR0000	15,843	15,033	12,166	6,856	13,601	17,029	8,307	17,944	18,841	19,079	8,544	7,071		19,079	21,517	21,977	22,226	22,672	21,213	13,820
VAR0000	4,359	6,000	9,695	21,331	9,220	32,863	23,043	18,166	2,646	2,449	13,077	18,921	19,079		4,123	4,359	4,472	4,472	5,292	23,516
VAR0000	6,481	7,937	11,619	23,664	11,314	35,171	25,534	19,261	4,000	3,606	15,556	21,331	21,517	4,123		2,449	3,606	3,000	6,557	26,306
VAR0000	6,782	8,062	11,790	24,166	11,576	35,679	26,000	19,157	4,000	3,606	15,875	21,703	21,977	4,359	2,449		2,236	2,236	5,745	26,833
VAR0000	7,000	8,367	12,166	24,434	11,619	35,944	26,249	18,868	4,123	3,742	16,155	22,000	22,226	4,472	3,606	2,236		2,000	5,099	26,814
VAR0000	7,280	8,832	12,490	24,920	11,619	36,442	26,702	19,900	4,123	3,742	16,643	22,539	22,672	4,472	3,000	2,236	2,000		5,831	26,739
VAR0000	6,856	7,616	11,136	22,694	12,207	33,793	24,062	17,436	5,568	5,292	15,330	20,833	21,213	5,292	6,557	5,745	5,099	5,831		26,589
VAR0000	21,494	20,857	18,788	15,937	17,493	23,558	17,607	27,695	23,452	23,728	16,492	16,155	13,820	23,516	26,306	26,833	26,814	26,739	26,589	
VAR0000	7,280	8,832	12,490	24,920	11,619	36,442	26,702	19,900	4,123	3,742	16,643	22,539	22,672	4,472	3,000	2,236	2,000	,000	5,831	26,739
VAR0000	7,000	8,602	11,832	24,515	11,091	35,944	26,249	20,000	4,123	3,742	16,523	22,361	22,226	4,472	3,606	3,000	2,828	2,000	6,164	26,211
VAR0000	7,280	8,832	12,490	24,920	11,619	36,442	26,702	19,900	4,123	3,742	16,643	22,539	22,672	4,472	3,000	2,236	2,000	,000	5,831	26,739
VAR0000	7,211	6,083	6,403	11,916	6,325	24,718	15,166	16,093	10,100	10,344	7,071	11,533	10,909	10,536	12,961	13,266	13,528	13,964	12,450	17,833
VAR0000	18,466	16,852	14,697	9,747	17,292	17,776	10,536	21,448	20,952	21,119	13,304	12,329	10,770	20,640	23,473	23,979	24,166	24,495	22,091	13,000
VAR0000	16,186	15,067	12,369	3,162	14,142	15,906	7,211	19,313	19,391	19,621	9,055	7,000	5,196	19,621	22,226	22,672	22,913	23,345	21,142	14,832
VAR0000	21,119	21,703	21,424	28,036	23,833	33,242	24,900	21,000	21,354	21,284	23,065	26,019	24,310	20,372	22,226	22,136	22,113	22,023	19,672	29,597
VAR0000	6,000	7,681	10,909	23,152	10,000	34,249	24,495	18,028	3,464	3,000	15,232	21,000	20,664	3,317	4,000	3,742	3,606	3,000	5,568	24,940
VAR0000	6,708	7,616	9,592	21,378	8,185	32,125	22,650	17,321	5,745	5,477	14,866	20,199	18,921	5,657	7,280	7,280	7,211	6,928	8,367	22,428
VAR0000	7,280	8,832	12,490	24,920	11,619	36,442	26,702	19,900	4,123	3,742	16,643	22,539	22,672	4,472	3,000	2,236	2,000	,000	5,831	26,739
VAR0000	7,280	8,832	12,490	24,920	11,619	36,442	26,702	19,900	4,123	3,742	16,643	22,539	22,672	4,472	3,000	2,236	2,000	,000	5,831	26,739
VAR0000	7,280	8,832	12,490	24,920	11,619	36,442	26,702	19,900	4,123	3,742	16,643	22,539	22,672	4,472	3,000	2,236	2,000	,000	5,831	26,739
VAR0000	7,280	8,832	12,490	24,920	11,619	36,442	26,702	19,900	4,123	3,742	16,643	22,539	22,672	4,472	3,000	2,236	2,000	,000	5,831	26,739
VAR0000	9,592	9,434	11,446	20,347	14,142	29,682	20,396	13,675	10,198	10,050	12,884	17,292	17,578	9,220	11,045	10,677	10,440	11,705	9,000	25,140
VAR0000	10,000	9,644	11,000	19,235	13,711	27,695	18,385	16,217	11,045	10,909	11,747	15,780	15,969	9,950	11,832	12,083	12,610	12,923	11,358	22,627

This is a dissimilarity matrix

Ареалности Кубани

Component Matrix

	Component							
	1	2	3	4	5	6	7	8
VAR00001	1,26E-02	-,440	,427	-,574	,245	-,332	,128	,311
VAR00002	,101	-,440	-,543	,415	-,100	,123	,383	-,103
VAR00003	,186	,185	-,505	-,247	-,365	-,106	,597	-,203
VAR00004	,481	-,265	-,441	4,80E-02	-,293	7,49E-02	-,561	-,117
VAR00005	-,618	,642	,165	-,149	,156	,221	8,08E-02	-,213
VAR00006	,814	,181	-,223	-,266	-,189	3,65E-03	6,41E-02	,125E-02
VAR00007	,906	,233	-,117	-,210	9,84E-02	9,28E-02	2,84E-02	,669E-02
VAR00008	,597	4,08E-02	-,377	-,189	,360	,298	-,305	-,322
VAR00009	-,361	4,18E-02	,415	,245	,265	,889E-02	,675E-02	-,142
VAR00011	,223	-,341	,860	6,82E-03	6,59E-02	,301E-02	,364E-02	-,145
VAR00012	,348	-,352	,769	4,86E-02	-,116	,464E-02	,831E-02	-,142
VAR00013	,516	,344	,444	-,261	5,69E-02	,422	,116	-,279
VAR00014	,499	,125	,349	,437	,123	,306E-02	1,19E-03	,494
VAR00015	,117	-,414	1,67E-02	-,136	-,509	,380	-,226	,483
VAR00016	,224	-,654	-,163	9,98E-02	-,128	,504	,206	,115
VAR00017	,246	-,521	-,194	,833E-02	,450	,214	,146	-,398
VAR00019	,502	-,327	-,355	,227	,433	-,518	,577E-02	,150E-02
VAR00020	-,110	,729	,383	,375	-,263	,608E-02	,101	-,193
VAR00022	-,170	,438	-,268	-,315	,101	,337E-02	,572	,328
VAR00024	-,209	3,71E-03	-,176	,280	,603	,482	2,84E-02	,396
VAR00025	,469	,304	9,82E-02	,728	-,315	8,45E-02	,243E-02	7,81E-03
VAR00026	,784	,321	,316	,286E-03	,197	-,193	,783E-02	,246E-02
VAR00027	,811	,273	,159	1,86E-02	,135	-,260	,307E-02	7,75E-03
VAR00028	,556	,732	4,67E-02	-,172	,240	,195E-02	-,179	,717E-02
VAR00029	,131	,844	-,339	4,86E-02	,109	,289	1,78E-02	,193E-02
VAR00035	,843	-,342	,660E-02	,873E-02	,212	,181	,156	-,123
VAR00036	,872	7,54E-02	,231	,141	-,118	,162	,171	,137

Extraction Method: Principal Component Analysis.

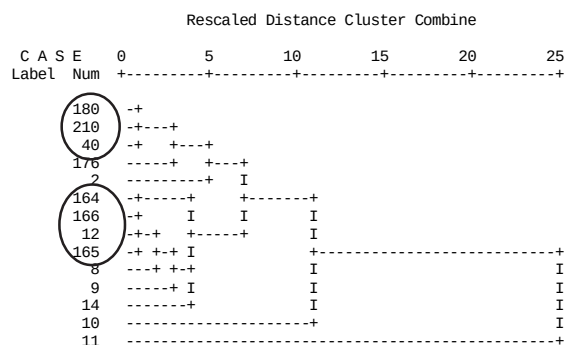
a. 8 components extracted.

Все предыдущие действия мы делали с таблицей-шаблоном, теперь внедряем в нее изучаемые комплексы и проводим кластер-анализ с расширенной таблицей. Количество изучаемых комплексов не должно превышать 10% от известных.

Получаем дендрограмму по изучаемому признаку. Если изучаемый комплекс попал в кластер (низшего уровня), то мы, с большой долей вероятности, можем сказать, что этот комплекс идентичен комплексам в кластере (если изучаемый признак «датировка», то комплекс можно датировать датой комплексов в кластере).

***** HIERARCHICAL CLUSTER ANALYSIS *****

Dendrogram using Average Linkage (Between Groups)

У нас получались четко очерченные кластеры только на концах дендрограммы, т.е. комплексы попавшие в кластеры по центру дендрограммы не имеют четко выраженных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Благодарю Берлизова Н.Е.

Берлизов Н. Е.
Канд. ист. наук
В ПОМОЩЬ СТУДЕНТУ
Спецкурс «Археология Кубани»

СТЕПНОЕ ПРИКУБАНИЕ И ЗАКУБАНИЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Бронзовый век Кубани известен по преимуществу благодаря ярким и самобытным памятникам майкопско-новосвободненской и дольменной культур: они упоминаются в учебных пособиях, научно-популярных изданиях, добротнo характеризуются в IV томе многотомной «Археологии СССР», посвященном раннему и среднебронзовому веку Кавказа. Вместе с тем незаслуженно обходится вниманием /за исключением специальной литературы/ целый пласт степных памятников, относящихся ко всем ступеням бронзового века и представленных большим количеством подкурганнх погребений. Первые из них были исследованы еще в середине XIX в. Д.В. Карейшей, Бегичевым. Далее последовали открытия В.Г. Тизенгаузена, Н.П. Кондакова, В.И. Сизова, Н.И. Веселовского. Первые обобщения в области истории кубанских степей в эпоху бронзы были проведены в 1899 г. А.А. Спицыным, в 1910 г. В.А. Городцовым, в 1920-30е гг. А.М. Тальгреном, А.В. Шмидтом, А.А. Миллером. Новые теоретические разработки 1950-

60х гг., вышедшие из под пера Г.В. Подгаецкого, М.И. Артамонова, А.А. Иессена, Т.Б. Поповой, А.А. Иерусалимской, В.И. Марковина, позволили выделить в регионе памятники ямной и предкавказского варианта катакомбной культур. Огромный и многообразный материал был получен в результате новостроечных раскопок 1970 -сер. 1990х гг. В них участвовали Северокавказская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством И.С. Каменецкого, Кубанская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии под руководством В.С. Бочкарева, экспедиция ГМИИВ под руководством А.М. Лескова, экспедиция СОГУ В.А. Софронова, ВолГУ под руководством А.С. Скрипкина. Большое значение имели работы краснодарских археологов Н.В. и И.Н. Анфимовых, Е.А. Ярковой/Хачатуровой/, А.А. Нехаева, А.М. Ждановского, В.А. Тарабанова, В.Н. и И.В. Каминских, Н.Ф. Шевченко, А.З. Аптекарева, А.В. Кондрашова, И.И. Марченко, А.П. Лопатина, Н.Е. Берлизова, О.Ф. Жупанина. Обобщающие работы, основанные на вновь открытых материалах вышли у А.Н. Гей, Э.С. Шарафутдиновой, В.А. Трифонова, И.А. Сорокиной, В.А. Софронова, Н.А. Николаевой, В.С. Бочкарева. Разработана в общих чертах относительная и абсолютная хронология кубанских степных древностей эпохи бронзы, показана роль региона как контактной зоны мира предгорий и мира степей.

Итак, к эпохе ранней бронзы в кубанской степи относятся памятники древнеямной и новотитаровской АК, переходной к среднебронзовой эпохе является вновь выделенная предкатакомбная АК.

Древнеямная АК /ок. 2700-2100 гг. до н.э. / представлена подкурганными погребениями правобережья Кубани /Карта 1/. Погребения основные и впускные под курганами, совершались в прямоугольных ямах с большими заплечиками, перекрытых деревянными плахами или, реже, разобранными повозками. Погребенные скорчены на спине или на боку, встречается т. н. «поза всадника», ориентировка преимущественно восточная. В могилах встречаются следы подстилки, посыпка охрой, мелом или угольками. В состав заупокойного инвентаря входят сосуды, украшения, орудия труда или оружие.

Керамика по преимуществу представлена горшками и горшочками с круглым дном, яйцевидным туловом и широким горлом. Реже встречаются плоскодонные горшки, «фляги» с ручками-ушками, черпаки с ручками. Орнамент наносился гребенчатым и иными штампами. Характерны сетчатые орнаменты, треугольники, шевроны, расчески гребенки.

Из орудий труда и оружия отмечены бронзовые листовидные ножи, бритвы, тесла, долота, шилья; каменные топоры и топоры-молоты, терочки, скребки, наконечники стрел с выемкой в основании. Из украшений весьма популярны были костяные молоточковидные булавки; бронзовые, реже серебряные или золотые височные кольца в 1-1,5 оборота, бусы, подвески из раковин и альчиков, как исключение - бронзовые дисковидные бляхи с пуансонным орнаментом.

Носители этой культуры переселились в Прикубанье из более западных областей /Приднепровья?/ и тесно контактировали с населением соседних новотитаровской и майкопской АК. Основой их хозяйства было, вероятно, разведение крупного и мелкого рогатого скота и коневодство.

Новотитаровская АК /ок. 2700-2200 гг. до н. э. / локализуется в степном Прикубанье между реками Кубань, Протока и Бейсуг и, частично, в Закубанье в бассейне р. Лабы, деля степь с ямной АК.

Основные памятники этой АК - подкурганные основные и впускные погребения в глубоких прямоугольных ямах с большими заплечиками. Ямы часто перекрыты разобранными повозками, реже - деревянными плахами /тогда повозка находится по соседству на заплечиках/. Погребенные лежат скорченно на спине или на боку, ориентировка на раннем этапе - восточная, северо-восточная, на позднем этапе - западная. Отмечаются подстилки из циновки на дне ям, посыпка их охрой. С погребенными находят жаровни из стенок разбитых сосудов, орудия труда, а начиная со среднего этапа - украшения и сосуды.

Керамика - лепная от руки, чаще всего встречаются небольшие плоскодонные чашечки, шаровидные сосуды, горшки с ручками-петельками, кружки, глубокие миски. Фрагменты крупных хозяйственных сосудов. Поверхность их обычно черного цвета, залощена, на ней встречаются налепы, прочерченные треугольники, зигзаги. Поверхность жаровен часто покрыта расчесами гребенки.

Повозки имели по 4 массивных сплошных колеса, сколоченных из трех досок каждое, диаметром ок. 70 см. Кузов имел решетчатую конструкцию, его размеры ок. 2, 7 x 2, 2 м. Дышло имело длину до 4 м и крепилось к прямоугольному ярму.

Из числа орудий труда и оружия находят литейные формы, бронзовые ножи, бритвы, долота, шилья близкие по форме ямным; каменные топоры, молоты-терочники, скребки, наконечники стрел; костяные колки и землеройные орудия.

К украшениям можно отнести подвески из костей мелких землероев, бусы из кости и зубов ископаемой рыбы, астрагалы, костяные булавки типа ямных, бронзовые и серебряные кольца в 1, 5-2 оборота, круглые и подпрямоугольные бляхи.

Происхождение и генезис этой культуры находятся в процессе изучения. В настоящий момент предполагается индоевропейская принадлежность новотитаровцев, считается, что на Кубань они могли прийти из более южных районов.

Предкатакомбная АК /ок. 2100-1900 гг. до н. э. / сформировалась на правобережье Кубани на основе древнеямных племен. Она известна по погребениям. Погребения подкурганные впускные в прямоугольных ямах с небольшими заплечиками, перекрытых деревянными плахами. Костяки вытянуты на спине или слабо скорчены на правом боку и ориентированы в западном секторе. Отмечаются погребения взрослых с детьми. Дно могил иногда посыпано охрой, мелом, угольками; инвентарь представлен в первую очередь украшениями. Изредка в погребениях находят сосуды, орудия, повозки, кости жертвенных овец.

Керамика представлена грубыми крупными сосудами, покрытыми расчесами гребенки, небольшими горшками и банками, орнаментированными оттисками веревки или прочерченными каннелюрами. К числу орудий относятся каменные топоры-молоты и терочники. Набор украшений сочетает древнеямную и северокавказскую традиции. Он включает роговые ямные и бронзовые северокавказские молоточковидные булавки, посоховидные бронзовые булавки, бляхи с пуансонным орнаментом; литые бронзовые жгутиковые подвески; подвески из раковин, клыков; бусы из кости и зубов ископаемой рыбы; костяные, бронзовые или серебряные кольца в 1, 5-3 оборота.

Считается, что одна из известнейших культур эпохи бронзы Восточноевропейской степи - катакомбная - формировалась на основе предкатакомбной и новотитаровской АК.

Средняя бронза /первая пол. II тыс. до н. э. / в степной зоне региона известна по памятниками катакомбной и северокавказской АК. Если памятники предшествующего периода группировались в основном в Восточном Приазовье и их очень сложно территориально разграничить, то в эпоху средней бронзы погребения катакомбной культуры чаще встречаются на правобережье Кубани /Карта 2/, а северокавказские - в Центральном и Восточном Закубанье. Степняки эпохи ранней бронзы испытали серьезное влияние майкопской АК, а на новом этапе то же влияние оказывали носители дольменной АК.

Катакомбная АК /XIX-XIV вв. до н. э. / зародившись в Восточном Приазовье, распространилась в дальнейшем в степях от Поволжья до Украины. В регионе представлена погребениями.

Погребения подкурганные основные и впускные в т. н. катакомбах Т- и Н-образной планировки /входная яма и погребальная камера взаимно перпендикулярны, либо параллельны друг другу/. Погребенные могут лежать сильно или слабо скорченно на правом или левом боку, вытянуто на спине, ориентировка неустойчива. Иногда погребенные расчленены и

сложены «пакетом», встречаются кенотафы /мемориальные погребения без погребенного/. Отмечены такие детали обряда, как заливка входа в погребальную камеру илом или закладка его деревом либо камнем, побелка свода погребальных камер, различные подстилки /кожа, камыш, войлок и др. /, посыпка пола камеры охрой, мелом, угольками. С погребенными находят сосуды, жаровни из стенок сосудов, орудия, украшения, кости жертвенных овец.

Сосуды лепились от руки и были достаточно разнообразны. Это чернолощенные «амфоры» с небольшими ручками, горшки с сосцевидными налепами на плечиках, горшки. Атрибутами культа огня были курильницы - изящные вазочки кремового цвета на подставке крестовидной либо кубаревидной формы или на четырех ножках, с небольшим «кармашком» для благовоний или наркотиков внутри. Сосуды обычно богато орнаментированы /особенно курильницы/ оттисками шнура; прочерченными треугольниками, шевронами, точечными узорами, рядами вертикальных линий /т. н. «полотенца»/, расчесами гребенки. В Восточном Закубанье отмечена полива сосудов красной краской.

Из орудий труда находят чаще всего каменные плитки, ступы, единичными находками представлены каменный топор-молот и наконечники булавы.

Украшения разнообразны и во многом близки набору украшений соседней северокавказской АК. Это бронзовые и костяные молоточковидные и посоховидные булавы; встречающиеся вместе с ними круглые или подквадратные выпуклые бляхи с отверстием в центре и пуансонным орнаментом; бусы из бронзы, пасты, кости, камня, зубов ископаемой рыбы /интересны бусы в виде миниатюрных топоришков, нашитые на обшлага одежды, в катакомбе у с. Успенского/; подвески-жгутики и символы солнца из бронзы; подвески из ракушек и клыков животных, из нефрита; бронзовые и серебряные подвески.

К атрибутам культа, помимо курильниц и подвесок-амулетов, относится, возможно, глиняная модель повозки из ст. Темижбекской.

Катакомбные погребения Кубани включаются в т. н. предкавказский вариант катакомбной культурно-исторической общности. На ранних этапах развития данной общности они соседствовали на Кубани с носителями северокавказской АК, а на позднем /т. н. Батурином/ этапе катакомбная АК сосуществует в наших степях с племенами срубной и бабинской /КМБК/ культур.

Северокавказская АК /первая пол. II тыс. до н.э./ известна в крае по погребениям междуречья рр. Белой и Кубани. Здесь представлен западный вариант данной культуры.

Погребения северокавказской АК подкурганые основные или впускные. Они совершались в прямоугольных ямах с небольшими заплечиками и деревянным перекрытием, в редких случаях в ямы впущены ящики из каменных плит, перекрытые камнем. В погребениях находится 1-2 костяка, лежащие скорченно на боку /ранний этап/, а чаще вытянуто на спине головой обычно на запад. В могилах фиксируются следы подстилок из растительности, кожи или войлока; посыпка пола охрой или мелом. В нескольких случаях охрой изображены отпечатки стоп ног /традиция, известная и у новотитаровцев/. В могилах встречаются украшения, сосуды, орудия труда, оружие, атрибуты культа.

Керамические формы достаточно разнообразны: плоскодонные горшки с ручками и без них, реповидные сосуды, горшочки, курильницы, часто богато орнаментированные в той же технике, что и катакомбные сосуды /оттиски шнура, штампов, наколы, прочерченные линии, налепы, полива/.

Набор орудий труда и оружия включает бронзовые ножи, бритвы, заготовку каменного топора-молота, оселки, кремневые наконечники стрел, т. н. «выпрямители древков стрел» /уплощенные крупные гальки с проточенным продольным или поперечным желобком/ бронзовые шилья и иглы.

Наиболее характерными деталями костюма /м. б. амулетами/ данной АК являются бронзовые молоточковидные и посоховидные булавы с рельефным орнаментом в виде змеек

и встречающиеся вместе с ними парные выпуклые круглые бляхи с отверстием в центре и пуансонным орнаментом /обычно, в погребении головка булавы оказывается зажатой между бляхами/; бронзовые жгутиковые и солярные подвески, пронизи; встречаются бусы из серебра, бронзы, кости, камня, зубов ископаемой рыбы.

Атрибутами культа считаются глиняные модели повозок и антропоморфные статуэтки, к этой же категории /либо к символам власти/ относят изящные топоры «кабардино-пятигорского типа», изготовленные обычно из серпентинита и его разновидностей.

Считается, что северокавказская АК послужила основой для формирования блестящей кобанской культуры. Весьма обоснованным выглядит также мнение об участии потомков кобанцев в этногенезе современных вайнахских народов и адыго-черкесов.

Памятники эпохи поздней бронзы в степном Прикубанье датируются в целом XIV-X вв. до н. э. и отражают сложные процессы, предшествовавшие формированию культуры меоты Приазовья и племен Закубанья эпохи раннего железа. В этот период новые волны степных кочевников, представленные погребениями бабинской и срубной культур, встречаются с местными племенами-носителями кобяковской и кобанской АК. Особенностью этого периода является весьма небольшое количество памятников, никак не сопоставимое ни с предшествующей, ни с последующей эпохами и не нашедшее пока удовлетворительного объяснения.

Бабинская АК /Культура многоваликовой керамики или КМБК/ датирована на Кубани XV в. до н.э. Предполагается, что ее носители проникли в наш регион из степей СЗ Причерноморья через Крым и таманский полуостров.

Единственными памятниками КМБК являются подкурганые впускные погребения в прямоугольных ямах с сильно закругленными углами. Костяки сильно скорчены на левом или правом боку /реже- слабо скорчены на левом боку/ головой на восток или на запад. С ними находят сосуды, кости животных, в одном случае найдена пряжка.

Сосуды аналогичны находкам из погребений КМБК Украины, это острореберные горшки с налепными валиками и без них и округлоплечие горшки.

Пряжка костяная дисковидная с двумя отверстиями: крупным в центре диска и небольшим сбоку.

Срубная АК /XIV-IX вв. до н.э./ представлена на Кубани поздними памятниками сабашиновского и белозерского типов.

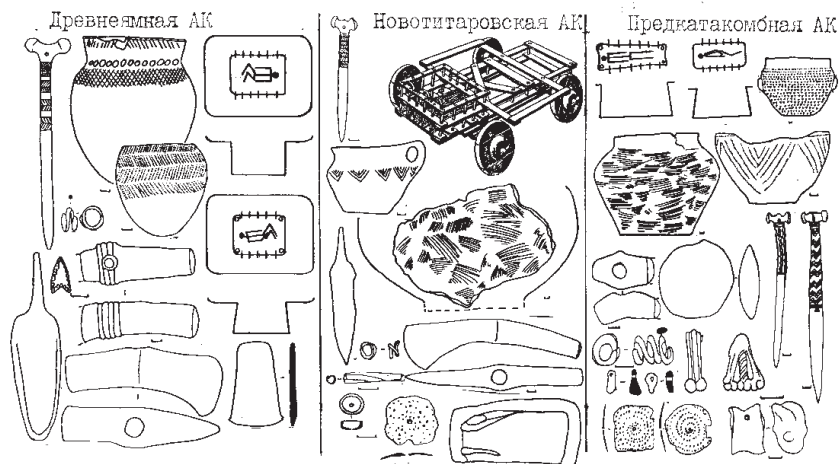
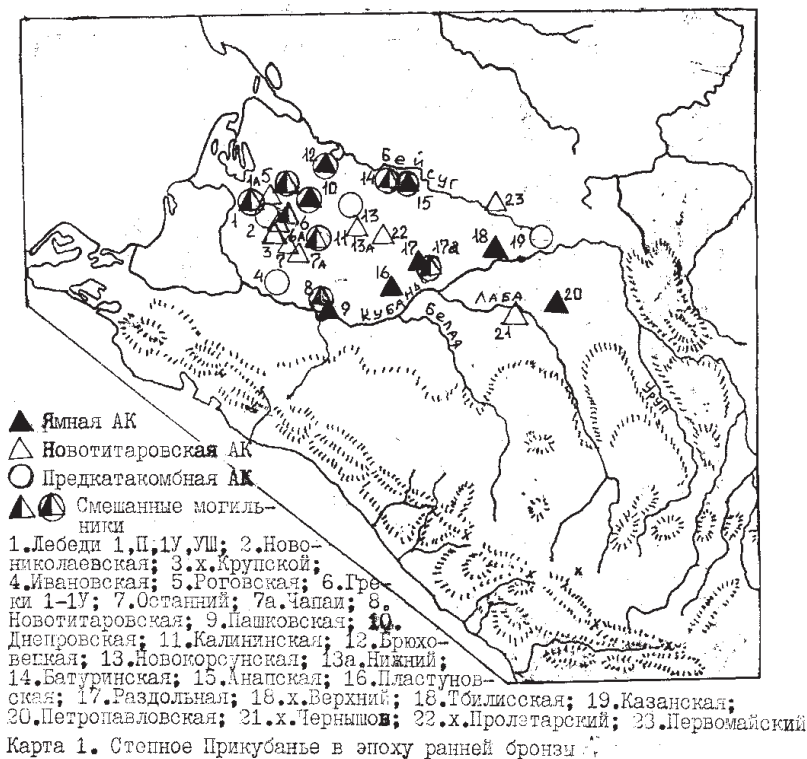
Погребения этой АК вписаны в более древние курганы и совершены в небольших подпрямоугольных ямах /примерно 1,5х1 м/. Костяки сильно скорчены на правом или левом боку, ориентировка восточная или, реже, северная. Часть погребений не содержит инвентаря и датирована по данным стратиграфии, в некоторых встречены сосуды, а в белозерских комплексах могут быть и единичные орудия труда или предметы вооружения.

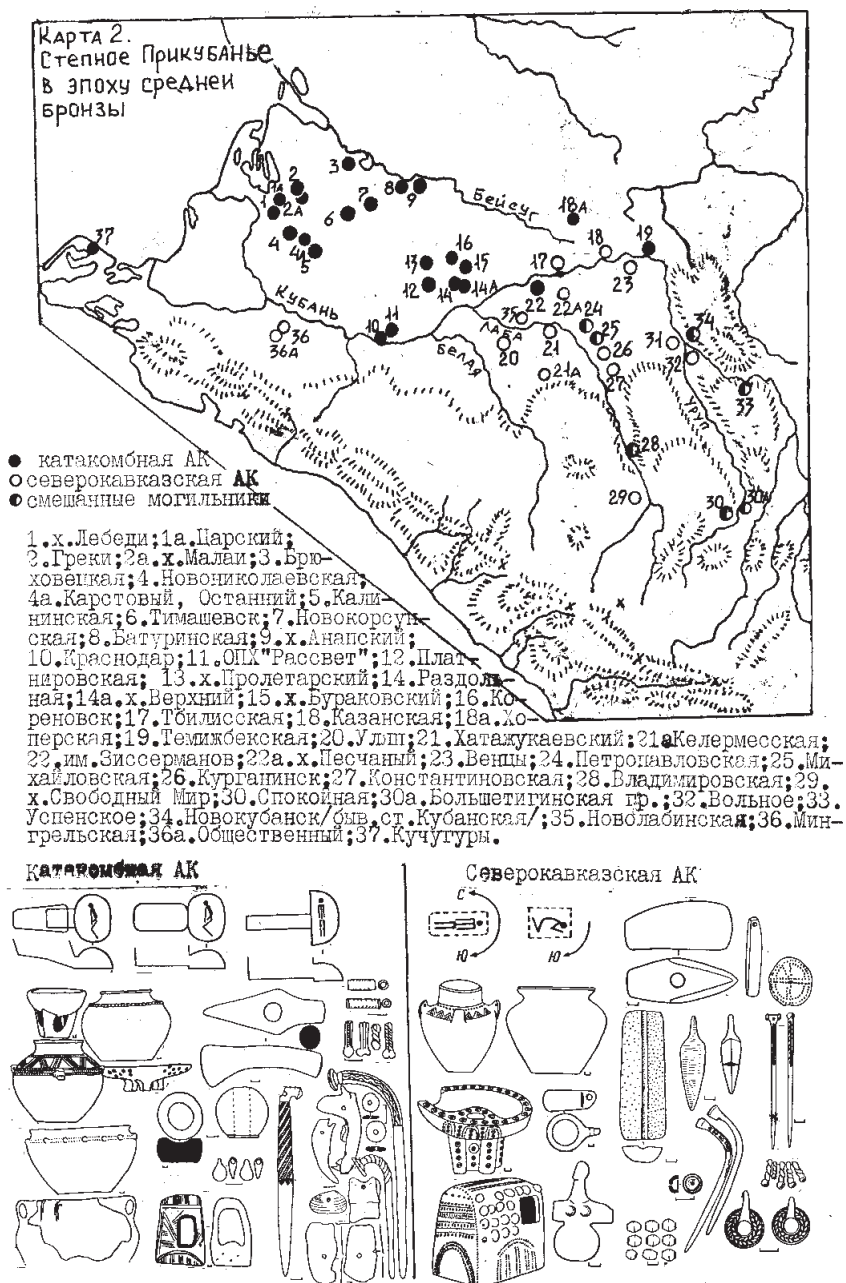
Керамика сабашиновского времени представлена округлоплечими и острореберными горшками, иногда орнаментированными по плечикам, и банками. Для белозерского времени характерны черпаки с петлевидными ручками; кубок с плоским дном, шаровидным туловом и высоким горлышком; плоскодонный горшок с четким профилем и выделенным дном, напоминающий позднеандроновские.

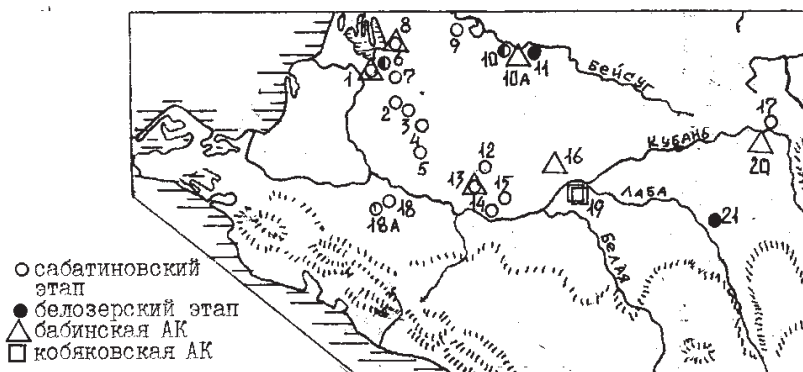
Орудия труда: кинжалы с параллельными лезвиями и ребром жесткости, пряслице, кремь, происходят, как отмечено выше, только из белозерских погребений.

Носители этой АК на сабашиновском этапе граничили с КМБК, а на белозерском - с племенами кобяковской АК. Интересно, что срубные памятники Кубани близки синхронным памятникам Украины и Молдавии, отличаясь от более близких им территориально памятников Нижнего Дона.

Кобяковская АК /XII-IX вв. до н.э./ как считается сформировалась на Кубани, откуда распространилась до низовьев Дона.

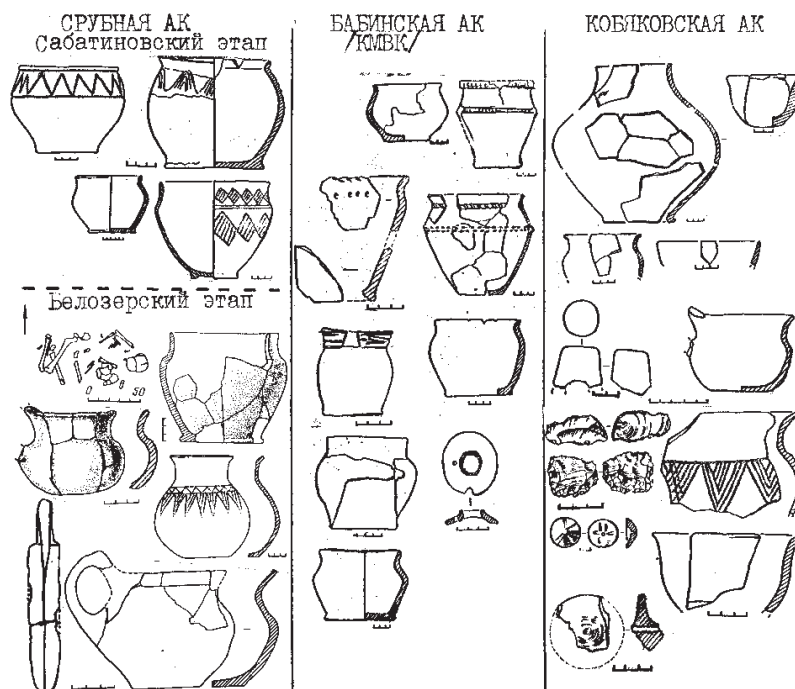

1. Лебеди 1, П, У1; 2. Новониколаевская 1, П; 3. Останний; 4. Калининская; 5. Гришковское; 6. Греки 1-Ш; 7. Малая 1; 8. Приазовская; 9. Брюховская; 10. х. Полтавский; 10а. Батуринская; 11. х. Анапский; 12. Старомишастовская; 13. х. Белевцы; 14. Пашковский; 15. ОПХ "Рассвет"; 16. Раздольная; 17. Темжобекская; 18. Мингрельская; 18а. Общественный; 19. Красногвардейское 1 и П; 20. Восток; 21. Михайловская.

Карта 3. Кубанская степь в эпоху поздней бронзы.

Она представлена материалами поселений Красногвардейское I и II, где открыты фрагменты глиняной обмазки домов, очаги, хозяйственные ямы, керамика, орудия труда и глиняные поделки.

Керамика подразделяется на кухонные и столовые формы. К первым относят горшки, корчаги; ко вторым - кубки, кувшины, черпаки, миски и чаши. Сосуды имеют розоватую, серую, коричневую поверхность, часто покрыты врезным орнаментом, либо оттисками веревочного и других штампов, а на горшках встречаются налепные валики.

Из орудий найдены каменные топоры, песты, струги, долото, отщепы, вкладыши, гладилки; глиняные пряслица; костяные пуговицы и «конек», лошिला, фрагмент наконечника дротика. К поделкам относят глиняные колесики и т. н. «лепешки». Предполагается, что к кон. IX в. до н. э. кобьяковская АК трансформируется в протомеотскую - переходную от бронзового века к железному. Это как будто подтверждается материалами поселения Красногвардейское II, на котором кобьяковский культурный слой плавно сменяется протомеотским.

Итак, в эпоху бронзы автохтонные племена Предкавказья существовали в соседстве и, вероятно, в симбиозе с достаточно пестрым кочевым миром. Считается, что степняки использовали достижения кавказских металлургов, широко распространяя их в кочевом мире и по его окраинам, а сами познакомили местные племена с колесным транспортом, коневодством, способствовали развитию скотоводства.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Анфимов Н.В., Шарафутдинова Э.С. *Поселение Красногвардейское I на Кубани - новый памятник кобьяковской культуры* // СА. 1982. №3.
2. Гей А.Н. *Новотитаровская культура /предварительная характеристика/* // СА. 1991. №1.
3. Марченко И.И. *Кубань в эпоху бронзы* //По страницам истории Кубани - Краснодар, 1993.
4. Сорокина И.А. *Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье*// СА. 1985. №3.
5. Трифонов В.А. *Степное Прикубанье в эпоху энеолита - средней бронзы / периодизация/* //Древние культуры Прикубанья. -Л. , 1991.
6. Шарафутдинова Э.С. *Новые данные о памятниках эпохи бронзы и начала раннего железа на Кубани* // Там же.
7. Шарафутдинова Э.С. *Памятники конца эпохи поздней бронзы на нижнем Дону и в степном Прикубанье* //СА. 1991. №1.
8. *Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года /под ред. Б.А. Трехбрatова. - Краснодар, 1997.*

ПЬЯНКОВ А.В., ТАРАБАНОВ В.А.

Ст. научн. сотрудники музея – заповедника

**КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУБАНИ И ПОДОНЬЯ
САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ: ЕДИНСТВО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЛИ СЛУЧАЙНОЕ СХОДСТВО***

Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют, что территория Хазарии в раннем средневековье была населена многими народами. Средневековые авторы упоминают алан, болгар, савиров, торков, угров, хазар и многих других. Некоторые погребальные обряды салтово-маяукой культуры (археологическая культура Хазарии) исследователи связывают с конкретными народами. Например, катакомбный погребальный обряд, по мнению многих археологов, бытовал у алан, а погребения в узких грунтовых ямах оставлены различными группами болгар. Идет работа по выявлению хазарских погребальных памятников.

Среди проблем хазарской археологии остается нерешенной этническая принадлежность двух групп кремационных погребений Подонья и Северо-Западного Кавказа. В научной литературе уже предлагались решения проблем связанных с происхождением и этнической атрибуцией обеих групп в контексте этнической истории каждого из этих регионов в отдельности, не проводя параллелей между ними. Наиболее определенно по этому поводу высказались Е.П.Алексеева и Е.Г.Афанасьев (см. 2, с. 14; 3, 1970, с. 299-335; 4, с. 48; 7, с. 150-155). Эти мнения встретили возражения отдельных исследователей (см. 12, с. 50; 52, с. 164).

В то же время, А.В.Дмитриев, В.К.Михеев, С.А.Плетнева и авторы этих строк обратили внимание на типологическую близость погребального обряда и инвентаря кремационных погребений обеих групп и предполагают генетическую связь между ними. (17, с. 49; 40, с. 165; 49, с. 83; 53, с. 164; 62, с. 58,59).

Проблема этнической принадлежности кремационных погребений из Подонья и Прикубанья не может быть удовлетворительно решена без ответа на вопрос о том, что лежит в основе близости их погребального обряда и инвентаря: общность происхождения или случайное сходство?

Поскольку этот вопрос остался без специального рассмотрения, авторы данной статьи предлагают читателям предварительные результаты своих наблюдений.

Первоначально приведем сводки памятников, составляющих обе группы трупосожжений. Наиболее полную сводку трупосожжений Подонья, концентрирующихся в бассейне Северского Донца (рис. 1), можно найти в монографии В.К.Михеева (41, с.

6-17; рис. 1). Донецкую группу кремаций (далее ДГК) составляют 13 погребальных памятников**:

1. 320 погребений и 17 комплексов полностью исследованного могильника Сухая Гомольша (40, с. 156-167; 41, с. 8-10; 42, с. 158-173).

2. 121 погребение из биритуального Красногорского могильника (43, с. 45-52; 19, с. 24-26).

3. Более 50 погребений и несколько комплексов могильника N 2 городища Маяки (41, с. 16,17).

4. 20 погребений и 2 комплекса из Ново-Покровского могильника (28, с. 99-108; 29, с. 33-42).

5. 7 погребений из полиритуального Дмитриевского могильника (47, с. 112-118).

6. 7 погребений из биритуального Пятницкого могильника (72, с. 48-50; 41, с. 11).

7. Комплекс вещей найденных в 1891 году у с. Тополи (28, с. 99-102).

8,9. Одно трупосожжение в урне и комплекс железных предметов со следами пребывания в огне из разных памятников у с. Мохнач (41, с. 10,11).

10. Одно трупосожжение из Верхнесалтовского могильника (10, с.24; 41, с. 11).

11. Одна кремация из урочища Бондариха (48, с. 101).

12. Один комплекс вещей из п. Кочеток (15, с. 239-243).

13. Один комплекс вещей принадлежавший войну-всаднику из урочища Лысый Горб, который В.К.Михеев считает связанным с кремационным погребением (41, с. 12).

Кубано-Черноморская группа кремаций (далее КЧГК) сконцентрирована в причерноморских районах от Анапы до Геленджика на западе и в предгорной полосе Западного Закубанья до р. Псекупс на востоке (рис. 2). Северной границей КЧГК являлась р. Кубань, а южной - отроги Кавказских гор и Геленджикская бухта. Сводка памятников КЧГК ранее полностью не публиковалась. Она включает:

1. 173 погребения второй хронологической группы могильника Дюрсо, расскопанного А.В.Дмитриевым под Новороссийском в 1974 (18, с. 54,55).

2. 125 погребений могильника Казазово 2 исследованного В.А.Тарабановым на южном берегу Краснодарского водохранилища за полевые сезоны 1986 и 1988 гг. (60, с. 65-66; 61, с.107-108).

3. 55 погребений и 7 комплексов из третьей хронологической группы биритуального Борисовского могильника под г. Геленджиком из раскопок В.В.Саханева (58, с. 141-155).

4. 37 погребений Молдовановского могильника из Крымского р-на (66, с. 76-78).

5. 12 погребений Псекупского 1 могильника расположенного при впадении р. Псекупс в Краснодарское водохранилище и исследованного Н.Г.Ловпаче в течении 1982 и 1983 гг. (30, с. 33-41; 31, с. 24-25).

6. Погребения впущенные в насыпь кургана 2 могильника Общественного II, находившийся к юго-западу от ст. Мингрельской Абинского района и исследованного Северо-Кавказской археологической экспедицией ИА АН СССР в 1986 г. (13, с. 118-119).

7. Один комплекс Тахтамукаевского могильника из раскопок Н.В. Анфимова (6, 1961, с. 197).

8-13. Отдельные комплексы и вещи из разрушенных погребений происходят из нескольких мест в окрестностях г. Новороссийска: у п. Мысхако, у Больших Хуторов, из Цемдолины, на горе Болтын, из совхоза «Ленинский путь» (17, с. 48) и на могильнике у п. Южная Озерейка (71, с. 248).

14,15. Инвентарь из разрушенных кремационных погребений у п. Су-Псех и у ст. Гастагаевской хранится в Анапском Музее***.

16. Один комплекс из 10 предметов хранится в Краснодарском музее-заповеднике. Он поступил из Адыгеи в 1952 г., но подробности его происхождения неизвестны. Окалина на железных предметах позволяет связать этот комплекс с кремационным обрядом (50, с. 4-9).

17. Вещи из кремационных погребений переданные в Южно-Кубанскую археологическую экспедицию в 1988 г.. Они происходят из разрушенного могильника в окрестностях х. Хабль Абинского района (52 с.20-23).

Большая часть материалов по кремационному обряду салтовского времени из упомянутых выше могильников не опубликована и часть из них осталась не доступной авторам для работы. Следует учитывать и то, что на многих могильниках к началу раскопок значительная часть погребений уже была разрушена. И хотя выводы этой статьи носят предварительный характер, материалы кремационных погребений позволяют выделить устойчивые признаки общие для обеих групп.

Рассмотрим сначала черты погребального обряда, который, как известно, консервативен и изменяется очень медленно. И следовательно может расstrиваться как традиция присущая конкретному этносу в течении длительного времени. Отдельные детали погребального обряда, как и отдельные предметы погребального инвентаря, могут иметь самостоятельную ценность, как этнические индикторы, или становятся таковыми в сочетании с другими артефактами.

1. Погребальные обряды ДГК и КЧГК укладываются в одну схему. Умерших сжигали на стороне с сопутствующим инвентарем. После чего, кальцинированные кости собирались вместе с золой, угольками вещами и захоранивались в ямах. Кости зачастую собирались не полностью. Ямы были неглубокие (до 1 м) и имели в плане форму овальную, подпрямоугольную или круглую. (см. 42, с. 162; 43, с. 51; 31, таб. XXII, 11,17; XXVIII, 15; XXIX, 11).

2. Кости и вещи могли собрать в керамические урны, которые опускались в погребения. Этот вариант обряда одинаково характерен ДГК и КЧГК. При этом для отдельных могильников характерны только ямные сожжения (Ново-Покровский и Пятицкий могильники в ДГК; Дюрсо и Молдавановский могильники в КЧГК). На других присутствуют как ямные, так и урновые сожжения (Красногорский и Сухомольшанский могильники в ДГК; Казазовский 2 и Псекупский 1 в КЧГК). Урнами чаще служили кухонные лепные или кружальные горшки, корчаги. Реже использовались кувшины, амфоры и другие сосуды. Урны помещались в ямы дном вниз, дном вверх и реже на боку. Крупные фрагменты керамических сосудов выполняли роль крышек. Иногда часть вещей укладывалась рядом с урной (оружие и детали снаряжения коня и орудия труда) (см. 42, с. 158-161; 18, с. 54).

3. Обязательной чертой погребального обряда ДГК и КЧГК являлась ритуальная порча вещей (преимущественно металлических). Практически все категории металлических предметов могли подвергнуться преднамеренной деформации: сабли складывались в несколько раз или сворачивались в кольцо; сгибались наконечники копий, боевые топоры, ножи; часто ломались стреммена, удила с псалиями и другие детали снаряжения коня; браслеты, пинцеты, копоушки и перстни; дужки от котлов, вертела, вилки и очажные цепи и многие другие предметы. Заметим, что порче подвергались не все предметы погребения или ритуального комплекса, а лишь часть из них. В м-ке Казазово 2 на 125 пог. 46 содержали намеренно испорченный инвентарь, а в Молдавановском м-ке 28 погребений из 37 имели такие предметы. Могила не

содержавшие испорченных вещей были как правило безинвентарными. Обычно, в погребении присутствовало от 1 до 5 испорченных предметов.

Этот обычай не может быть объяснен небольшими размерами погребальных ям и урн, так как кроме сабель ломались и совсем мелкие предметы. Трудно объяснить его и обрядом обезвреживания покойника, поскольку могли быть испорчены не только оружие, острые предметы и снаряжение коня, но и все прочие. К тому же во многих случаях оружие (наконечники копий, боевые топоры, кинжалы и т.д.) оставалось целыми. Здесь следует искать другое объяснение.

Ритуальная порча вещей зафиксирована в погребальных обрядах у многих народов Евразии в древности и в средневековье. У племен ДГК и КЧГК эта особенность погребального обряда является устойчивым признаком и встречена на всех могильниках обеих групп и, практически, во всех погребениях и комплексах, где присутствовали металлические предметы.

4. На могильниках обеих групп присутствуют тайнички в небольших ямках устроенные рядом с отдельными погребениями. Возможно, это поминальные комплексы. В тайничках находят оружие, детали снаряжения коня и другие металлические предметы. В некоторых случаях, поминальные комплексы трудно связать с конкретным погребением. Они могут быть даже вынесены в сторону от всей массы захоронений. Часть комплексов содержат предметы принадлежавшие войнам-всадникам. Эта особенность могильников ДГК и КЧГК также является их устойчивым признаком.

5. В погребениях обеих групп регулярно фиксируется обычай принесения даров умершим. Об этом свидетельствуют находки в мужских погребениях и в поминальных комплексах с воинским снаряжением предметов женских украшений. Часто дары не имеют следов пребывания в огне. Видимо, большая часть предметов-подарков бросалась в яму или урну после кремирования умерших. В богатых воинских комплексах такими дарами могли быть женские золотые серьги.

6. У народов Хазарского каганата имел широкое распространение обычай хоронить в месте с умершими лошадями, как в одной могиле с покойником, так и в отдельной яме рядом с хозяином. Для таких захоронений отбирали боевых коней. Костяки лошадей встречаются в ямных, катакомбных погребениях на грунтовых могильниках (46, таб. 57, с. 248-251; 57, с. 95,97; 21, с. 188; 11, с. 114) и в подкурганых погребениях (44, с. 45-48; 33, с. 80; 24, с. 145-159). Этот обычай был известен и в Кубано-Черноморском регионе еще в до салтовское время (16, с. 212-219; 55, с. 50). Однако, в могильниках ДГК и КЧГК захоронения лошадей не характерны. Исключения составляют погребение лошади в отдельной яме на Пятницком могильнике (72, с. 49) и ямное сожжение 93 Красногорского могильника (43, с. 51). Заметим, что Пятницкое захоронение коня могло и не иметь отношение к погребениям людей, а являлось выкупной жертвой за участок могильника. Подобным образом, интерпретировал В.С.Аксенов одиночные погребения лошадей из Красногорского могильника (1, с. 11). Присутствие лошади в кремации 93 Красногорского могильника может быть объяснено влиянием ингумационного погребального обряда, носители которого хоронились на этом же памятнике (44, с. 46-50; 1, с. 10-12).

Оружие, орудия труда, бытовые предметы и украшения подверглись значительной нивелировке на территории Хазарского каганата и на сопредельных территориях, затрудняет выявление общих для ДГК и КЧГК особенностей погребального инвентаря. Обращают на себя внимание несколько категорий вещей характерных для обеих кремационных групп. Одни предметы, вероятно, изготавливались только носителями кремационного обряда и у других племен встречается исключительно редко.

Другие были хорошо известны салтово-маяцкому населению и их соседям, но за некоторым исключением использовались в погребальной практике только носителями кремационного обряда. К первым мы относим:

1. Широколезвийные наконечники копий с отверстиями у основания пера, по середине которых проходит продолжение круглой втулки. А.В. Крыганов, изучавший вооружение и войско ДГК, выделил два варианта (листовидный и пламевидный) широколезвийных наконечника в 6 тип III отдела, отметив, что оба варианта этого типа встречается только у носителей кремационного обряда в салтово-маяцкой культуре и, по мнению исследователя, являлись своеобразными штандартами воинских начальников (25, с. 103). Эти наконечники встречаются в паре с наконечниками других типов только в богатых воинских комплексах (25, с. 109). Две точные аналогии этому типу известны в Дунайской Болгарии в урновой кремации IX-X вв. и в Ельскаевской коллекции VII-VIII вв. Томского университета, а наконечники других типов с отверстиями в лопастях известны в древностях авар и дунайских болгар (25, с. 103).

В могильниках КЧГК известны оба варианта широколезвийных наконечников копий 6 типа. Так в Модавановском могильнике в п. 2 был найден наконечник копья с пламевидным пером и с отверстиями в его основании вместе с наконечником узколезвийной пики (рис. 3, 7). Еще один такой наконечник с листовидным пером происходит из подъемного материала с территории этого же могильника (рис. 3, 8).

2. Наконечники стрел в виде широких и прорезных лопаточек А.Ф. Медведев отнес к типу 56 и указал, что распространены они были только в VIII-IX вв. (36, с. 71). По Крыганову эти наконечники отнесены к типу 7 (25, с. 98). В памятниках ДГК подобные наконечники известны в Ново-Покровском могильнике (28, рис. 36) и в комплексе у с. Кочеток (15, рис. 1, 11, 12). В могильниках КЧГК лопаточковидные срезни (рис. 3, 1-6) найдены в могильниках Борисовском, 3 экземпляра (58, с. 144, таб. III, 7), Дюрсо (18, рис. 2, 5, 17), Казазово 2, 6 экземпляров (63, рис. 295, 6-9; 52, рис. 49, 15, 16); и в Молдавановском, 4 экземпляра (65, рис. 96, 9, 10; 265, 11; 359, 10). Кроме кремационных погребений два срезня были найдены в слоях Правобережного Цимлянского городища и городища Екимавцы в Молдавии (32, рис. 16, внизу; 36, с. 71), в могильнике у совхоза «Красный Восток» на Тамбовщине, 1 экземпляр (5, рис. 14, 8), в Большее Тиганском могильнике в Приуралье, 1 экземпляр (73, Taf. XII, 5), в Закубанских могильниках Казазово 1, 2 экземпляра (67, рис. 1, 13, 14), в Ново-Вочепшийском, 1 экземпляр (45, рис. 45, 2) и на поселении «Козьи Скалы» в Пятигорье (27, рис. 11, 14).

Заметим, что наконечники этого типа единично представлены в не кремационных могильниках салтовского времени. К тому же Закубанские могильники находятся в пределах ареала трупосожжений и синхронны КЧГК. Поэтому наличие в этих погребениях нескольких лопаточковидных срезней объясняется непосредственным заимствованием их у носителей кремационного обряда.

Истоки лопаточковидных наконечников этого типа следует искать в предшествующих по времени археологических культурах Центральной Азии и Южной Сибири. У кокэльских племен бытовали близкие типы наконечников, а прорезные наконечники стрел иных типов были известны уже хуннам (69, рис. 9; 27, 1, 3).

3. В погребениях КЧГК встречены редкие для хазарского времени наконечники стрел с рамчатым пером, имеющим листовидную, ассиметрично-ромбическую или подтреугольную форму (рис. 4, 1-16). Они найдены в могильниках Дюрсо (18, рис. 1, 8), Казазово 2, 3 экземпляра (63, рис. 453, 10; 64, рис. 328, 1; 52, рис. 359, 1) и в Молдавановском, 11 экземпляров из раскопок 1989 г., (65, рис. 91, 4-6; 265, 12; 322, 1-7), 1 экземпляр найден в 1977 г. **** (65, 558, 9) и 1 экземпляр найден в 1997 г. *****.

Нам известна только одна аналогия этому типу наконечников за пределами Арреала КЧГК, которая происходит из комплекса у с. Кочеток (15, рис. 1, 13).

Рамчатые наконечники изготавливались на Руси в домонгольское время и на Кавказе в позднесредневековую эпоху, но так же были редки, как и в хазарское время (36, с. 62; 35, с. 64,67).

Вторую группу составили категории предметов:

1. Складные серпы в Восточной Европе бытовали в лесной и лесостепной зонах в VIII-XIII вв. (38, с. 81). Но в погребальной практике их использовали немногие этносы (рис. 5, 1,2). В.К. Михеев первым обратил внимание, что эта категория предметов в VIII-IX вв. встречается только в трех регионах Восточной Европы: в Подонье (Тополи, Новая Покровка и Сухая Гомольша), на Северо-Западном Кавказе (Бесленевская, Борисовский, Дюрсо и Геленджик) на Верхнем и Среднем Поволжье (Больше-Тарханский и Крюково-Кужновский могильники и селище Попадивка) (41, с. 47; 26, XXIX, 7). Заметим, что в районе Бесленевской, упомянутой Михеевым, нет кремаций VIII-начала X веков, а складные серпы встречаются в более поздних подкурганых ингумациях. Возможно, что и геленджикская находка более позднего времени. К списку складных серпов из КЧГК следует добавить 1 экземпляр из Казазовского 2 могильника (63, рис. 89, 9) и 8 экземпляров из Молдавановского могильника (65, рис. 61, 4; 285, 13; 482; 570, 1,2). На могильнике Казазово 2 найдено много фрагментов серпов и часть из них, судя по размерам, могли принадлежать складным экземплярам.

По обоснованному мнению Михеева складные серпы входили в снаряжение конного воина высокого социального статуса, поскольку встречаются в погребениях с богатым набором вооружения, конской сбрую и других предметов (41, с. 47,48).

2. Замечательным фактом является распространение в памятниках ДГК и КЧГК коньковых подвесок (рис. 5, 3-6). По классификации Л.К.Голубевой они соответствуют второму варианту первого типа (14, с. 86,87). Краткую сводку коньковых подвесок хазарского времени опубликовал В.К.Михеев выявив три региона распространения подвесок этого типа: Волжско-Приуральский, Северодонецкий и Северокавказский (40, с. 163-164). В последнем регионе им учтены более 10 подвесок из м-ка Дюрсо, и 2 подвески из окрестностей Новороссийска и Таманского п-ва (40, с. 164). Заметим, что из 36 подвесок, учтенных Михеевым, 27 происходят из кремационных погребений (м-ки Сухогомольшанский, Дюрсо и окрестности Новороссийска). Еще 4 подвески найдены в Молдавановском м-ке: 1 происходит из сборов А.М. Ждановского в 1977 г., 2 из пог. 8 (65, рис. 144, 1,2) и 1 найдена в разрушенном погребении в 1997 г.. Молдавановские подвески из пог. 8 уже публиковались в печати, но были ошибочно отнесены к находкам из м-ков Мартан-Чу и Казазово 2 (22, рис. 1, 1,2). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что только в кремационных погребениях находят по несколько коньковых подвесок вместе, как в м-ках Сухогомольшанском и Молдавановском.

3. В хазарское время в Восточной Европе бытовали предметы, которые можно назвать очажными принадлежностями: вилки и вертелы из крученных железных прутьев, очажные цепи с крюками для подвешивания котлов, сами котлы и дужки от них. Эти предметы находят на поселениях Подонья, Поволжья, Северного Кавказа (см. 48, с. 154; 41, рис. 37, 1-8; 59, рис. 36, 45,46,58; 58, рис. 29, 12; 27, рис. 10, 1-3,5-8; 11, 15). За исключением котлов, очажный инвентарь крайне редко встречаются в ингумационных погребениях. Авторам известен лишь один случай, когда в трупоположении из 1 Псекупского м-ка были найдены котел, очажная цепь с крюками стилизованные под

бычи головки, черпак и вертел (31, таб. XXVI).

Но в погребениях ДГК и КЧГК очажные принадлежности или их фрагменты встречаются заметно чаще. В Подонье в комплексе у с. Тополи найдены очажная цепь и дужки от котла (28, с. 100; рис. 30, 6; 31, 13), в Пятницком м-ке - очажная цепь (41, рис. 12, 14), в Сухогомольшнском м-ке найдены вилки и вертелы (41, рис. 10, 50, 53; 37, 9), во 2 Маяцком м-ке встречены 2 вилки и 2 вертела (41, с. 17). На Северо-Западном Кавказе в Борисовском м-ке найдены черпак и очажная цепь (58, рис. 31 и 33), в Казазовском 2 м-ке - вилка, очажные крюки, дужки от котлов и детали очажной цепи из сборов 1985 г.***** (52, рис. 48, 20, 28), вилка и фр-ты очажной цепи (рис. 5, 9, 11) из раскопок 1986 и 1988 гг. (63, рис. 118; 443; 64, рис. 332, 7); в Молдавановском м-ке обнаружены вилки (рис. 5, 10), фр-ты вертелов и очажных цепей (65, рис. 305, 5; 542; 543; 590).

Очажный инвентарь, несомненно, показатель зажиточности и особого социального статуса погребенного. До недавнего времени для горцев Кавказа очаг и очажная цепь предметы почитания и поклонения, игравшие большую роль в различных обрядах, в том числе, и в погребальном (37, с. 305; 20, с. 85, 86; 70, с. 87-91). Однако, обычаи горцев Кавказа не допускали помещение очажной цепи вместе с умершим в могилу. Видимо эта черта кремационного обряда не кавказская по своему происхождению.

4. Классифицируя ножи Восточной Европы, Р.С. Минасян, делает предположение, что ножи из могильника Дюрсо, как и другие салтовские касетные ножи являлись метательным оружием (39, с. 72). От 2 до 4 ножей из нескольких касет находят в погребениях салтово-маяцкой культуры. И только в кремационных могильниках количество ножей может достигать 5 и даже 6 экземпляров в одном погребении, как в могильниках Дюрсо, Сухогомольшанском (39, с. 72; 41, рис. 11, 16-20) А в Молдавановском могильнике в 3 погребениях было найдено ножей более 4-х одновременно: в пог. 32 - 6 экз., в пог. 34 - 5 экз. и в пог. 25 сразу 10 экз. (65, рис. 339, 340, 417 и 436).

Перечисление сходств в материалах из памятников ДГК и КЧГК может быть продолжено, но соавторы решили ограничиться приведенными примерами, которых достаточно для предварительных выводов.

Таким образом сходство в погребальных обрядах и погребальном инвентаре следует признать значительными, которое не может быть объяснено прямым заимствованием, поскольку население оставившее памятники ДГК и КЧГК не являлись соседями, а проживали на значительном расстоянии друг от друга и не могли оказывать существенного влияния друг на друга. Обе этнические группы имели общее происхождение и поддерживали между собой более или менее тесное общение. Поселившись вдали друг от друга носители кремационного обряда долго сохраняли общие для них черты материальной и духовной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В основу статьи положен доклад прочитанный на конференции посвященной 170-летию Керченского музея древностей (56, с. 61-64).

** Комплекс из разрушенного кургана у с. Большая Орловка обозначенный на карте В.К.Михеева, как памятник с кремационным обрядом, нами рассматриваться не будет, поскольку он происходит не из очерченного ареала и может быть отнесен к трупосожжениям лишь условно (см. 23, с. 113-117).

*** Авторы выражают свою благодарность А.М.Новичихину за это сообщение.

**** Экземпляр из коллекции предметов собранной на Молдавановском могильни-

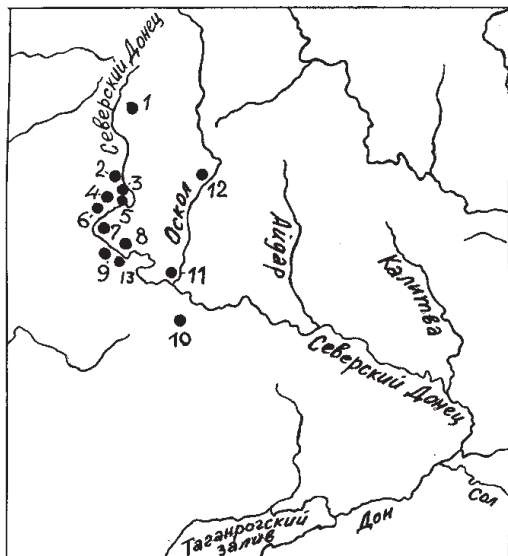

Рис. 1. Памятники Донецкой группы кремаций: 1 - Дмитриевка; 2 -Верхний Салтов; 3 - Пятницкое; 4 - Новая Покровка; 5 - Кочеток; 6 -Мохнач 1; 7 - Мохнач 2; 8 - Красная Горка; 9 - Сухая Гомольша; 10 -Маяки; 11 - Бондариха; 12 - Тополи; 13 - Лысый Горб.

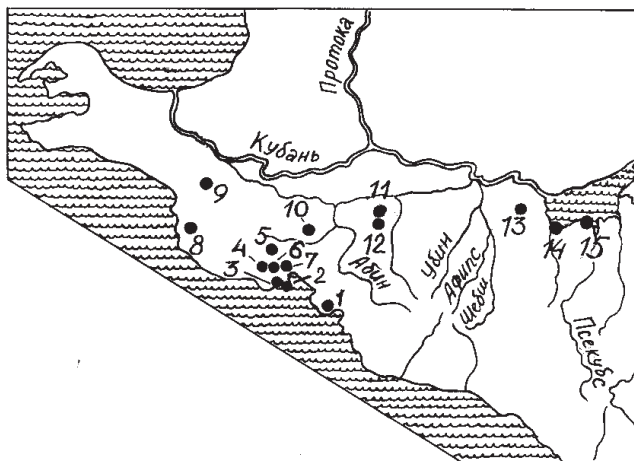

Рис. 2. Памятники Кубано-Черноморской группы кремаций: 1 - Борисово; 2 - Мысхако; 3 - Южная Озерейка; 4 - Дюрсо; 5 - «Ленинский Путь» ; 6 -Большие Хутора; 7 - Цемдолина; 8 - Су-Псех; 9 - Гастагаевская; 10 -Молдавановское; 11 - Общественный II; 12 - Хабль; 13 - Тахтамукай; 14 - Казазово II; 15 - Псекуис I.

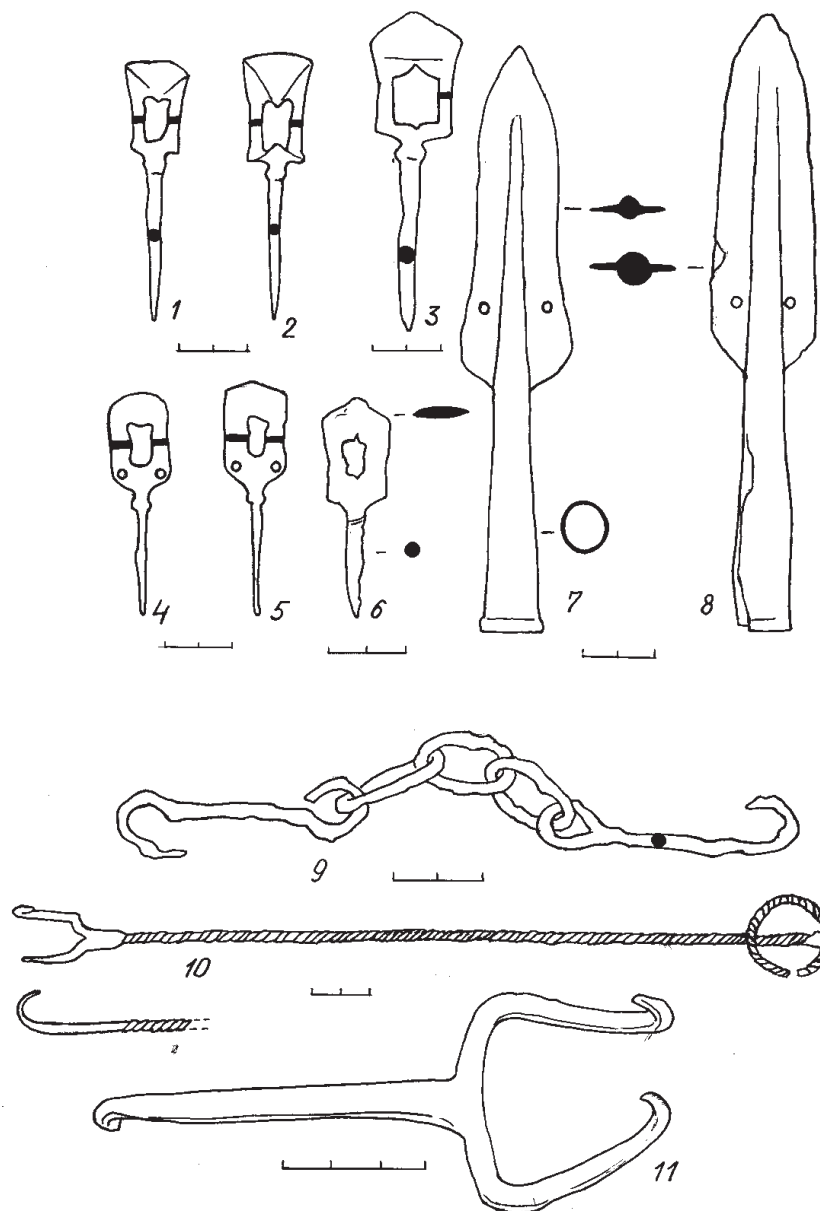

Рис. 3. Вещи из погребений КЧГК: 1,2,4,5 - п. 69, 9 - под. мат., 11 - п. 16 м-к Казазово II; 3, - п. 27, 6 - п. 5, 10 - п. 25 м-к Молдавановский. 1-11 - железо.

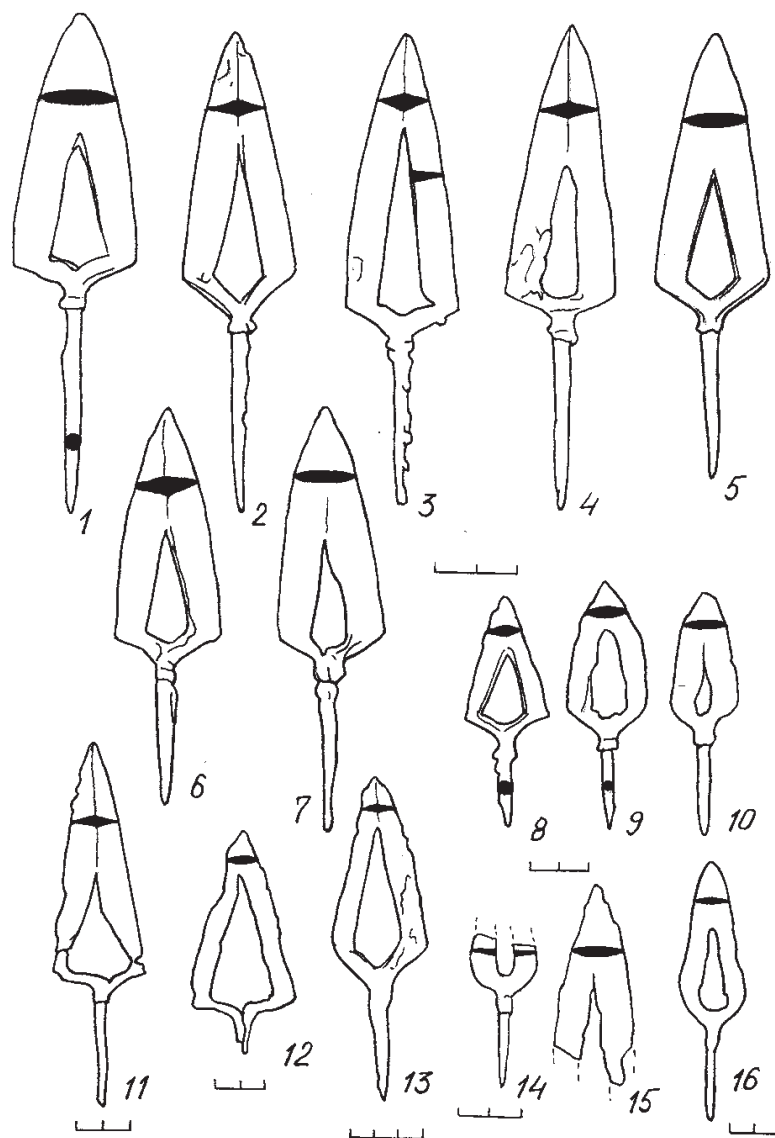

Рис. 4. Вещи из погребений КЧГК: 1-7 - п. 25, 8-10 - п. 5, 11 - под. мат. 1997 г., 12 - под. мат. 1977 г., 15 - п. 23 м-к Молдавановский; 13, 16 - под. мат. 1987 г., 14 - под. мат. 1988 г. м-к Казазово. 1-16 -железо.

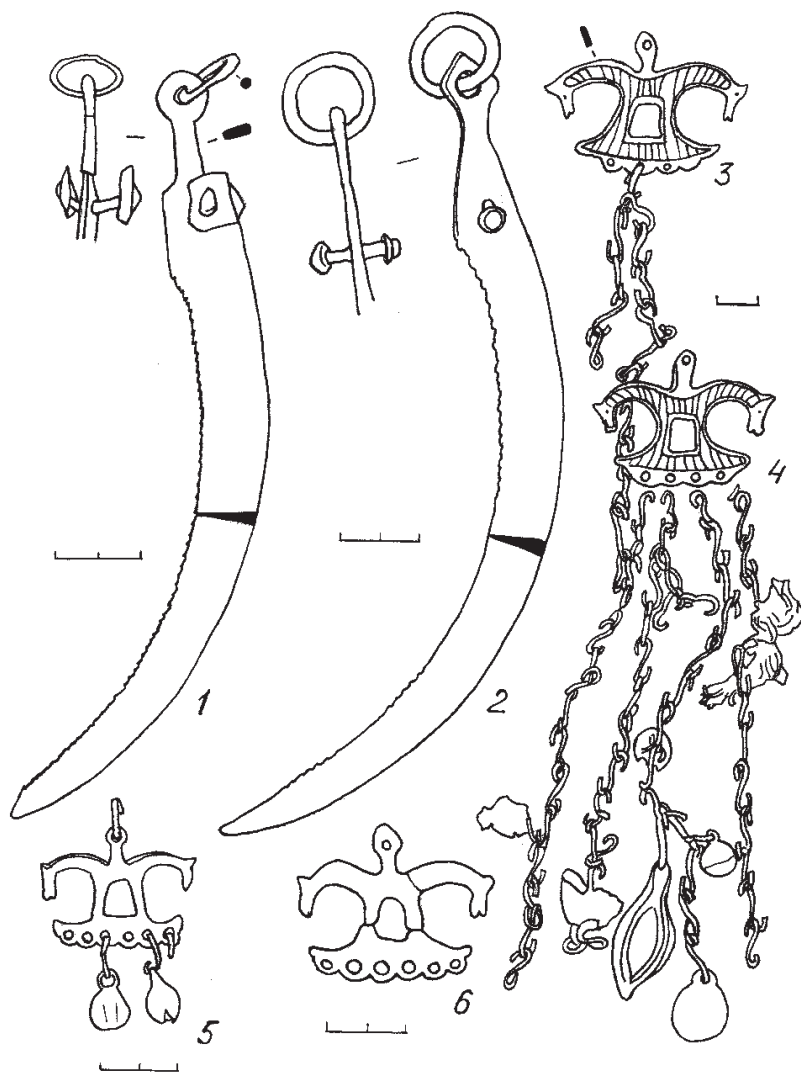

Рис. 5. Вещи из Молдавановского могильника: 1 - п. 2; 2 - об. 14; 3, 4 - п. 8; 5 - под. мат. 1997 г.; 6 - под. мат. 1977 г.. 1, 2 - железо, 3-6 - бронза.

ке в 1977 г. А.М.Ждановским, которого авторы благодарят за возможность опубликовать материалы из его сборов.

***** Авторы благодарят А.И.Семенова за разрешение опубликовать этот накопечник и коньковую подвеску.

*****Эти предметы входят в коллекцию собранную на м-ке Казазово 2 в 1985 г. и хранящуюся в КГИАМЗ под шифром КМ 8815.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Аксенов В.С. Захоронения с конем у населения Северо-Западной части Хазарии (по материалам Нетайловского и Красногоровского могильников) // ТД МНК «Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1995.
2. Алексеева Е.П. Происхождение абазин // Абазин. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989.
3. Алексеева Е.П. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI, Ставрополь, 1970.
4. Алексеева Е.П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980.
5. Алихова А.Е. Могильник у совхоза «Красный Восток» // КСИМК. Вып. 29, 1949.
6. Анфимов Н.В. Тахтамукаевский могильник // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961.
7. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2, М., 1987.
8. Бабенко В.А. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 года // Труды XIV Археологического съезда. Т. III. М., 1911.
9. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.
10. Винников А.З. Этно-культурная ситуация в лесостепном Подонье во второй половине I тыс. н.э. // Материалы научной конференции «Вопросы этнической истории Волго-Донья». Пенза, 1992.
11. Гей А.Н., Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сатеев О.И., Сорокина И.А. О работе Северо-Кавказской экспедиции //АО 1986 года. М., 1988.
12. Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966, N 3.
13. Дегтярь А.К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. 1984, N 2.
14. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979, N 4.
15. Дмитриев А.В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII - начала IX века в районе Новороссийска - Геленджика // ТДК VIII «Крупновские чтения». Нальчик, 1978.
16. Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 168, 1979.
17. Журина О.Н. Средневековые украшения салтовской культуры из Красногорского могильника на Харьковщине // ТД МНК «Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1995.
18. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII-начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984.
19. Каминский В.Н. Алано-Болгарский могильник близ станции Старокорсунской

- на Кубани // СА, 1987, N 4.
22. Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир-Москва, 1997
23. Косяненко В.М. Погребение у слободы Большая Орловка - ранний памятник салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
24. Круглов Е.В. Хазарские погребения на р. Аксай // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2, Волгоград, 1992.
25. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
26. Крюково-Кужновский могильник. Материалы по истории моргвы VIII-IX вв. Моршанск, 1952
27. Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь, 1998
28. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Вып. ХLI, 1951.
29. Кухаренко Ю.В. Новопокровский могильник и поселения // Археология. Т. VI, 1952.
30. Ловпаче Н.Г., Тов А.А. Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья // ВАА. Майкоп, 1983
31. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупса // ВАА. Майкоп, 1985.
32. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. N 62, 1958.
33. Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. М., 1983.
34. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. М., 1981
35. Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
36. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII - XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966.
37. Меретуков М.А. Культ очага у адыгов // Ученые записки АНИИЯЛИ. Т. VIII. Майкоп, 1968.
38. Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ, Вып. 19, А., 1978.
39. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ, Вып. 21, А., 1980
40. Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. 1982, N 2.
41. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
42. Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА. 1986, N 3.
43. Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
44. Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М., 1974.
45. Носкова Л.М. Средневековые погребения Ново-Вочепшийского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
46. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

47. Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М., 1972
48. Плетнева С.А. От кочевий к городам. МИА. N 142, М., 1967
49. Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990, N 2.
50. Пьянков А.В. Комплекс раннесредневековых предметов VIII-IX вв. из фондов Краснодарского музея-заповедника // Древности Кубани. Вып. 12, Краснодар. 1998.
51. Пьянков А.В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // ТДК XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Оргджоникдзе, 1986.
52. Пьянков А.В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
53. Пьянков А.В. Отчет о раскопках курганов могильников Центрлаба 2 и 3 Мостовского края в 1987 году // Архив КГИАМЗ. N 47..
54. Пьянков А.В. Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // Древности Кубани. Вып. 10, Краснодар, 1998.
55. Пьянков А.В. Раскопки могильника Бжиг 1 на черноморском побережье Краснодарского края: предварительные итоги // Древности Кубани. Вып. 8. Краснодар, 1998.
56. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // ТДК Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996.
57. Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1, М., 1986
58. Саханев В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-12 годах // ИАК., Вып. 56, Петроград, 1914
59. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981
60. Тарабанов В.А. Исследование средневековых памятников в районе аула Казазова Адыгейской автономной области в 1986 г. // ТДК XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа Махачкала, 1988.
61. Тарабанов В.А. Вооружение и снаряжение всадника VIII - X вв. в могильниках Казазово I и II // ТД «I Кубанская археологическая конференция». Краснодар, 1989
62. Тарабанов В.А. Кремационные погребения VIII - X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // ТДК XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994
63. Тарабанов В.А. Отчет об исследовании археологических памятников в районе Гатлукаевского городища N 2 в Теучежском районе Адыгейской АО Краснодарского края в 1986 году // Архив КГИАМЗ. N 469.
64. Тарабанов В.А. Отчет об исследовании археологических памятников в районе Гатлукаевского городища N 2 в 1988 году // Архив КГИАМЗ. N 478.
65. Тарабанов В.А. Отчет о раскопках грунтового могильника в с. Молдавановское Крымского района Краснодарского края в 1989 году // Архив КГИАМЗ. N 487.
66. Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдавановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск, 1992
67. Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Ленинград, 1983.
68. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА, 1976, N 2
69. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Цен-

- тральной Азии. Новосибирск, 1986
70. Чачхалия Д.К. Абхазская святыня в старом Сочи. О почитании очажной цепи на Кавказе // *Этнографическое обозрение*. 1998, N 1
71. Шишлов А.В. Раскопки могильника античного времени в пос. Южная Озерейка близ Новороссийска // *АО* - 1995 г. М., 1996.
72. Шрамко Б.А. Погребение VIII-IX вв. у с. Пятницкое Харьковской области // *Древнерусское государство и славяне*. Минск, 1983.
73. Chalikova E.A., Chalicov A.H. *Altungarn an der Kama und im Ural* // *Regeszeti Fuzetek Ser. II. N 21*, 1981.

Зеленский Ю.В.

Науч. сотр. музея — заповедника

ТИПОЛОГИЯ СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СТЕПНОГО ПРИКУБАНЬЯ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЬЯ

В половецких погребениях степного Прикубанья и Восточного Закубанья представлены следующие категории вещей: 1) принадлежности конской сбруи (стремена, удила, остатки седел, шпоры); 2) вооружение (наконечники стрел, сабли, колчаны и их украшения, кинжалы, копья, доспехи); 3) украшения (серьги, бусы, височные кольца, подвески, гривны, украшения женского головного убора); 4) бытовые предметы (кресала, ножи, ножницы, шилья, сосуды, пряжки) и отдельные предметы не укладывающиеся ни в одну из перечисленных категорий (пуговицы, бронзовые бубенчики, распрямленные гривны, поясные наборы). Почти все погребения мужские.

Принадлежности конской сбруи

Стремена обнаружены в 28 захоронениях.

Представлены следующие типы стремян:

Тип I (рис.1, 1). Контур арочный: ушко прямоугольное или трапецевидное, в месте сочленения с дужкой заужено. Подножка плоская, слегка вогнутая внутрь.

Тип II (рис.1, 2). Арочной формы, верхняя часть дужки расплющена и плавно закруглена.

Тип III (рис.1, 3). Арочной формы, верхняя часть дужки расплющена и заострена.

Тип IV (рис.1, 4). Арочной формы, с круглой в сечении дужкой, верхняя часть которой имеет длинный плоский выступ прямоугольной формы.

В погребении встречается одно, два или четыре стремени среди костей коня или у ног погребенного. Все стремени кроме первого типа бытовали в XII - начале XIII вв. или в золотоордынское время (Кирпичников А.Н., 1973; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988).

Удила обнаружены в 18 захоронениях.

Представлены удила двух типов: Тип I (рис.1, 5). Двусоставные, с подвижными кольцами (3 - 4 см. в диаметре) на концах. Тип II (рис.1, 6). Двусоставные, с большими (не менее 5 см. в диаметре) подвижными кольцами. В погребении удила чаще всего встречаются во рту коня. Удила датируются очень широко XI - XIV вв.

Остатки седел в виде костяных обкладок найдены в трех погребениях. Шпоры в двух захоронениях.

Предметы вооружения

Палаши, сабли найдены в 37 погребениях. Палаши найдены в двух погребениях. Сабли длинные, изогнутые. Выделяются сабли с перекрестиями составляющими одну линию с клинком (Тип I) (рис.3, 1), с овальным перекрестьем (Тип II (рис.3,2), с брусковидным перекрестьем (Тип III) (рис.3, 3), с овальным перекрестием концы которого заканчиваются шишечками (Тип IV) (рис.3, 4). Сабли обычно лежат справа или слева от погребенного.

Железные наконечники стрел найдены в 38 погребениях.

Выделяются следующие типы наконечников стрел:

Тип I (рис.2, 4). Листовидной формы,

Тип II (рис.2, 5). Листовидной формы более крупные.

Тип III (рис.2, 1). Длинные узкие линзовидные в сечении с валиком у основания.

Тип IV (рис.2, 2). С ромбовидным пером.

Тип V (рис.2,3). Срезни в виде широкой лопаточки с округленными сторонами.

Тип VI (рис.2, 8). Срезни с раздвоенным пером.

Тип VII (рис.2, 6). Четырехгранные наконечники стрел в виде кинжалчиков.

Тип VIII (рис.2, 7). Крупные наконечники стрел с ромбовидным пером

Тип IX (рис.2, 9). С лавролистным пером.

Доспех состоящий из кольчуги и шлема найден в 16 погребениях. Выделяются следующие типы шлемов:

Тип I (рис.2, 2). Сфероконической формы.

Тип II (рис.2, 1). Конической формы с вырезами для глаз.

Тип III (рис.2, 3). Нижняя часть цилиндрической формы верхняя конической.

В погребениях кольчуги обычно лежат свернутые возле погребенного или надеты на него шлемы надеты на голову погребенного. В одном погребении (ст.Дмитриевская Кавказский район к.1 п.2) были найдены наручи и наколенники (Зеленский Ю.В., 1997, с.15 - 16).

В 6 погребениях были найдены накладки на лук - срединные овальной формы с закругленными концами и концевые с выемками для тетивы и накладки на колчан украшенные кружочками. В двух погребениях были найдены остатки берестяных колчанов. В одном погребении был найден наконечник копья, в одном кинжал.

Предметы быта

Ножи найдены в 28 погребениях. Все они с прямым лезвием и спинкой. Кресала найдены в 4 погребениях. Они двух типов: прямоугольные (Тип I) и калечевидные с несомкнутыми отогнутыми концами (Тип II). Ножницы найдены в одном погребении. Они шарнирные с круглыми кольцами на концах. Оселок - каменный брусок прямоугольной формы со сквозным отверстием найден в одном погребении, остатки шила тоже в одном.

Из металлической посуды представлены две серебряные чаши с растительным орнаментом характерные для белореченской культуры, бронзовые казанки с загнутым наружу краем, плоскодонные бронзовые котлы и медные чашечки склепанные из четырех листов металла.

Глиняная посуда представлена лепными горшками баночной формы либо кружальными красноглиняными кувшинами и корчагой (Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1995).

Украшения

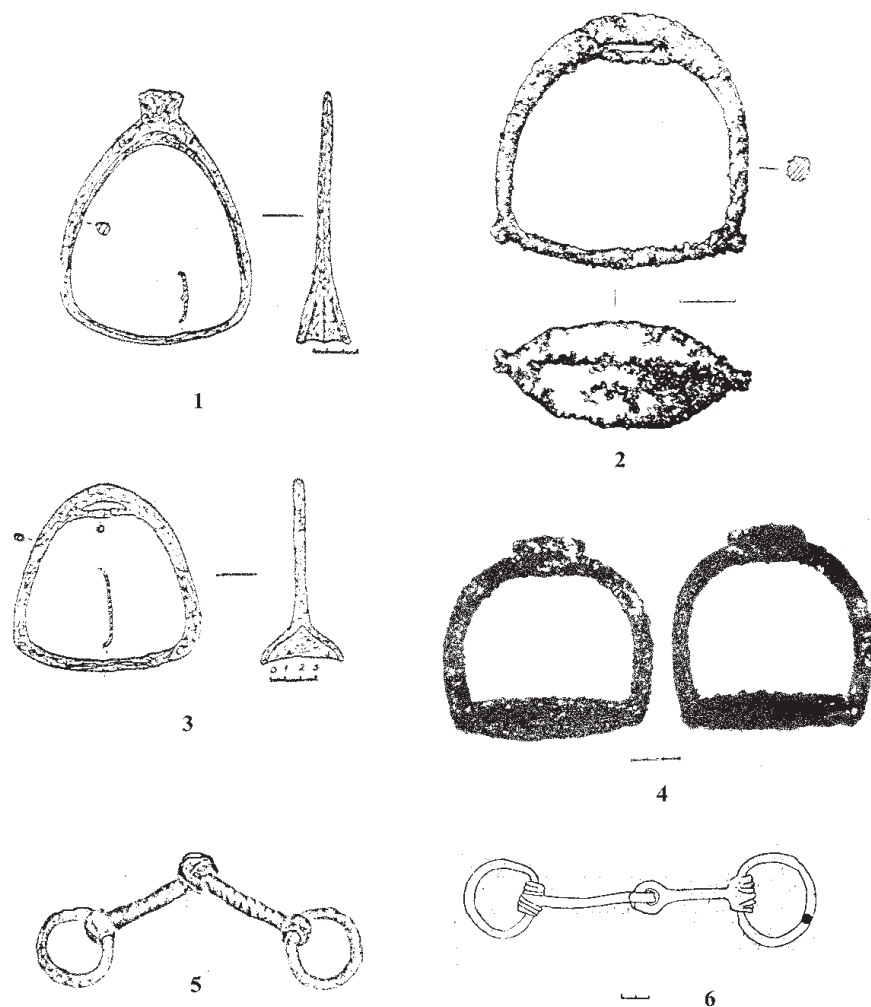

Рис. 1 к статье Зеленский Ю.В. «Типология сопроводительного инвентаря из половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья»

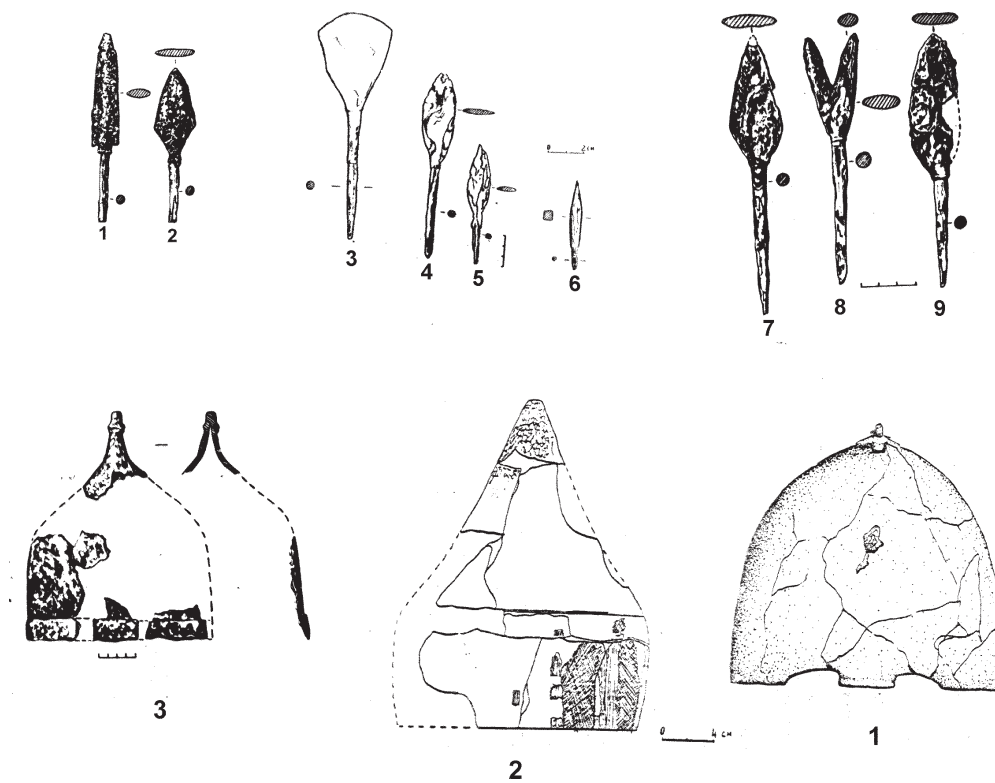

Рис. 2 к статье Зеленский Ю.В. «Типология сопроводительного инвентаря из половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья»

Рис. 3 к статье Зеленский Ю.В. «Типология сопроводительного инвентаря из половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья»

В одном погребении была найдена серебряная серьга, концы не сомкнуты и заострены, в одном - серьга в виде знака вопроса из гладкой проволоки стержень без бусины и заострен, в двух погребениях височные кольца с напускными бусинами, в одном погребении бронзовые полые внутри височные кольца (Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1995) в этом же погребении рога - украшения женского головного убора. В двух погребениях были найдены гривны из серебра.

Зеркала были найдены в двух погребениях. Диск одного гладкий другого украшен 8-мью лучами отходящими от краев диска к центру (Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., 1994). Бронзовые бубенчики были найдены в 3 погребениях. Распрямленные гривны выполняющие роль символов власти в 5 погребениях. В одном погребении был найден поясной набор состоящий из бронзовых позолоченных бляшек (Зеленский Ю.В., Каминская И.В., 1993).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Зеленский Ю.В., Каминская И.В. Позднекочевническое погребение из Прикубанья // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993.
2. Зеленский Ю.В. Защитный доспех из погребения воина-кочевника первой половины XIII в. // Тезисы. Кубань в истории России. Часть I. «Археология и краеведение Кубани». Краснодар, 1997.
3. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII - XIV вв.). М., 1988.
4. Пьянков А.В., Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение из Восточного Закубанья // Материалы конференции «Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Армавир, 1994.
5. Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Погребение половчанки из степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир- М., 1995.

Фролов Б.Е.

Зав. отделом истории Краснодарского музея — заповедника,
лауреат краевой премии им. К. Россинского

ПЕЧАТИ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ

Печати служат знаком удостоверения документа, помогают проверить его подлинность, уточнить время написания, а нередко установить и автора. В отрыве от документа они сами по себе являются ценным историческим источником. Порою печати выступают и как памятники искусства.

В фондах краевого архива хранится значительное количество документов по истории черноморского казачества, заверенных различными печатями. Среди них встречаются оттиски печатей войсковых, полковых, куренных, частных лиц и различных учреждений. По способу прикрепления они все прикладные, по материалу преобладают восково-мастичные, сургучные и «копченые /сажевые/.

Восково-мастичные печати, как правило, сочного ярко-красного цвета, довольно эластичные и потому неплохой сохранности. В ряде случаев этот материал давал «жировой след на обратной стороне листа. Сургучные оттиски, чаще всего, коричневого цвета различной насыщенности и оттенков, нередко - красно-коричневые. Они более сухие и на многих документах остались лишь фрагменты. Сажевые печати интенсивно черного цвета, достаточно хорошего качества; при неосторожном обращении /и до сегодняшнего дня/ «берутся на палец.

Изредка встречалась смешанная техника: матрица печати коптилась, но оттиск делался не на бумаге, а на красной мастике или сургуче.

На ряде документов, начиная уже с конца XVIII века, встречаются оттиски, выполненные печатями с железными матрицами с использованием жидкой мастики, а может быть даже и просто чернил. По качеству они уступают сажевым, многие оттиски представляют из себя расплывчатое пятно с трудом угадывающимися изображениями.

В настоящей статье рассматриваются печати войсковые, окружные, куренные и печати первых атаманов Черноморского казачьего войска.

Начало будущему Черноморскому войску положило предписание князя Потемкина о сборе волонтерных команд из бывших сечевиков от 20 августа 1787 г. Вскоре эти команды достигли статуса войска. 13 мая 1788 г. князь сообщил казакам: «По высочайшему ея императорского величества соизволению, сделанную для сего войсковую печать к надлежащему оной употреблению при сем препровождаю . В Кош печать доставили 17 мая.

По всей видимости, первый документ был заверен императорской печатью 21 мая 1788 г. Это ордер Сидора Белого, в котором он сообщил казакам о том, что князь Г. А. Потемкин «наименовал его войсковым атаманом. П.П. Короленко, впервые опубликовавший текст документа, специально отметил наличие на нем красной сургучной печати. Документ этот в краевом архиве сохранился, но печать время не пощадило. Сургуч растрескался настолько, что можно разобрать только три буквы «...вер... . Дореволюционные описи регалий, хранящиеся в историческом музее, и другие сохранившиеся оттиски этой печати позволяют нам описать ее.

Главная войсковая печать представляла из себя большой железный овал, покрытый серебряной пластинкой с нанесенным на нее изображением. Размер поля печати - при переводе русских мер в метрические -61 мм на 53 мм. Замеры оттиска дали несколько другой результат: 63 x 53. Трубка печати была выполнена из серебра, а ручка - из буйволиного рога. Общая высота печати 83 мм.

На матрице печати вырезано изображение вооруженного казака со знаменем в левой руке. Знамя с двумя извивающимися хвостами /двукосичный прапор/ имеет на полотнище четырехконечный крест с расширяющимися концами. Правой рукой казак держит за ствол ружье, приклад которого опирается на землю. Ружье тяжелое, массивное и уже явно архаичное для этого времени. На левом боку казака находится сабля, висящая на двух массивных ремешках. Она имеет крестовину с перекрестием и переднюю дужку, крепящуюся к головке. От крестовины свисает небольшой темляк. Казак одет в «юпку /короткая мужская куртка/ с разрезными, заброшенными за спину рукавами. На груди скрещиваются две широкие перевязи. На казаке головной убор, который, по словам И.Д. Попко, черноморцы называли крымской шапкой. Он известен у многих народов крымско-кавказского региона. В своем классическом виде напоминал епископскую митру: состоял из узкого мехового околыша и грушевидной, расширяющейся сверху тульи.

На описываемой печати /да и на большинстве других/ шапка имеет низкую, приплюснутую тулью и более походит на мегерку.

По краю печати, в поле, образованном двумя «лиственными» ободками, идет круговая надпись: «печать коша войска верных казаков». И надпись, и другие изображения на матрице отличного технического исполнения. Соблюдена многосторонняя симметрия, строго выдержаны расстояния между словами и буквами, четко смоделированы черты лица и одежды. Следует заметить, что прорисовки черноморских печатей, приводимые в работах Скальковского и Яворницкого, отличаются большой схематичностью и условностью в ряде деталей и не идентичны оригиналам.

Понятно, что печать, пожалованная императрицей, не могла обеспечивать все нарастающий объем делопроизводства. К тому же, ее неудобно было применять на малозначащих и частных документах. Вскоре атаман С. Белый заказывает в Тульской казенной палате две копии /скорее всего в Туле изготовили и первую печать/. В отзыве из Тулы от 25 сентября 1788 г. сообщалось: «Сделано для оного войска две печати: одна в самой точности величины образца, а другая с уменьшением... Войско получило печати 11 декабря 1788 г.

В Краснодарском историческом музее хранится войсковая печать /рис.1/, которую с большой степенью вероятности можно считать работой тульских мастеров сентября 1788 г. Она почти идентична первой. Налицо тот же высочайший уровень технического исполнения. Видны черты лица, колечки для сабельных ремней и другие мелкие детали. Есть в музейной печати и некоторые отличия. Но они неизбежны, даже если печати делал один мастер. Несколько иначе трактуются складки на шароварах и рукавах рубашки, чуть-чуть круче извивы знамени. Для набивки надписи использованы другие пуансоны. Размер овала 61х53.

В декабре 1788 г. войско верных казаков стало называться «войском верных казаков Черноморских». Очевидно, этим и был обусловлен заказ в Туле еще четырех войсковых печатей, сделанных в апреле 1789 г. От предыдущих они отличались только надписью, где было добавлено слово «Черноморских» /рис.2/. Старые печати из употребления не вышли и продолжали широко использоваться еще несколько лет.

Помимо войсковых печатей «фирменного» изготовления применялись печати и кустарной работы. Эти печати сохраняли форму овала и были нескольких размеров: 53х33, 60х45, 48х33, 40х35.

Оттиски этих печатей на документах можно легко отличить по уровню технического исполнения матрицы. Фигура казака выполнена более грубо и схематично /в этих печатях головной убор, чаще всего, полной грушевидной формы/. Особенно бросается в глаза низкое качество надписей. Даже в одном слове можно встретить буквы разной высоты и толщины, не выдержана перпендикулярность букв к краю, интервалы между ними. Некоторые вырезаны в прямом, а не в зеркальном варианте. Встречаются пропуски букв и ошибки.

8 января 1798 г. последовал высочайший указ об изъятии слова «верных» из названия Черноморского казачьего войска. 22 февраля войсковое правительство постановило: «... все войсковые и полковые печати со словами «верных» не публиковать. Следующему в столицу капитану Гелдышу было поручено заехать в Тулу и переделать печати по новому образцу.

19 августа 1799 г. последовал высочайший указ: «утвержденный ... 10 августа сего года Российский императорский герб, изображать и на печатях, кои сообразно сему и переделать».

Войску Черноморскому император Павел I «указать соизволил... употреблять печать, каковая в войсках Его Императорского Величества была положена». В феврале 1801 г. Высочайшая Грамота и войсковая печать для Черноморского войска были изготовлены и в марте месяце доставлены на Кубань капитаном Животовским. В тексте императорской грамоты, опубликованной в Кубанском сборнике, приводится рисунок этой печати /рис. 3/. На документах подобная печать нам ни разу не встречалась. Во всяком случае, уже в материалах 1802 г.

встречаются печати с совершенно другими изображениями /рис.4/ В их центре так называемый асимметричный орел с поднятыми крыльями и загнутым вправо хвостом. Около лап, вытянутых в левую сторону, выполнены четыре зубчатые линии, изображавшие молнии. Круговая надпись: «п. его императорского величества Черноморского войска надо сказать, что на внутривойсковых документах первой четверти XIX в., наряду с новой печатью, по прежнему употреблялись и печати конца XVIII в. До какого времени использовалась печать с асимметричным орлом, автору пока неизвестно. В документах конца 20-х - нач. 30-х гг. она еще встречается.

В январе 1794 г. в Черноморском войске был принят «Порядок общей пользы» - документ, регламентирующий управление, территориальное устройство и землепользование. Вся территория Черномории разделялась на пять округов во главе с окружными правлениями. Для оформления письменных дел «Порядок...» предписывал «поделать окружные печати с гербами, по приличию округов свойственными, яко-то: на Екатеринодарской ... казак водрузивший ратище в землю, и приложив к нему вместо присошек, ружье, держа левою рукою ратище и ружье, а другою приклад, врага стреляющий; на Фанагорийской - по морю плавающая лодка, со всем воинским прибором; на Бейсугской - рыба; на Ейской - казак, при границе единовольных с ружьем на карауле стоящий, а на Григорьевской, от пустого степу, в пикете казак сидящий на коне, при всем воинском приборе».

В делах краевого архива удалось отыскать буквально несколько документов, заверенных окружными печатями, что, собственно говоря, и подтвердило сам факт их изготовления. Сохранность их оставляет желать лучшего, но некоторые иконографические детали уточнить можно.

Первый рапорт Ейского окружного правления, подписанный секунд-майором Евтихием Чепегой 17 августа 1794 г., заверен печатью, выполненной по образцу войсковой. В центре матрицы вырезано изображение казака, который в левой руке держит знамя, в правой - ружье. По краю печати, в поле, образованном точечным ободком, идет надпись: «Печать Ейской Окружной Паланки».

С 1795 г. Ейское правление начинает употреблять печать установочного образца. В левой части находилось грубое, схематичное изображение стоящего казака с ружьем за плечами, а в правой - непонятные, энигматические эмблемы /что-то, напоминающее воткнутые в землю пики или заостренные жерди/.

Соответствовала образцу и печать Григорьевского правления. Казак изображался сидящим на коне с ружьем и пикой наперевес.

Печать Екатеринодарского правления зафиксирована в документе 1801г. На матрице печати была зарезана настоящая сюжетная сцена. В левой части стоит казак с воткнутой в землю пикой /ружья на оттиске не видно/. Центр композиции занимает дерево, с довольно пышной верхушкой, а за ним - маленькая человеческая фигурка /очевидно, «враг», в которого должен стрелять казак/. Снизу все это обрамлено извивающейся веткой.

Также отличается от образца и печать Бейсугского правления. Кстати, в отличие от других - грубой, кустарной работы, с упрощенными изображениями - эта печать сделана более профессионально /рис.5/. В верхней части выполнено сияющее солнце, в центре - две рыбы, плывущие в разные стороны. Нижняя часть оттиска утрачена.

Печать Фанагорийского окружного правления в документах отыскать не удалось. Но она также была изготовлена. В 1908 г. фанагорийскую печать нашел священник станицы Таманской Сергей Колышкин во время посадки деревьев во дворе церковно-приходской школы. В этом же году он подарил ее Кубанскому войсковому музею. В описании печати говорится: «без ручки, с изображением карабля с флагами и опушенным якорем и надписью в круге...

Все окружные печати имеют овальную форму, но различаются размерами, уровнем

технического исполнения, палеографическими особенностями шрифта надписей. Это позволяет высказать догадку об их изготовлении разными мастерами, возможно, непосредственно при окружных правлениях.

В отношении куренных печатей не удалось встретить никаких регламентирующих документов. В одно и то же время куренями употребляются печати, резко отличающиеся друг от друга. По изображениям на матрице их можно объединить в несколько групп.

Наиболее архаичная из них представлена печатями куреней Пашковского и Шкуринского /рис.6/. Центральную часть композиции занимает четырехконечный крест греческого типа, над ним - корона, внизу две перекрещенные ветви. Круговая надпись, отграниченная от центрального медальона точечным ободком, гласит: «СИЯ ПЕЧАТЬ КУРЕНЯ ШКУРИНСКОГО». Оттиски этих печатей на документах нам не встретились. Сами печати хранятся в Краснодарском историческом музее /КМ-1064, 1084/. По мнению Д.И.Эварницкого, которое мы поддерживаем, это печати еще запорожских куреней. Следует заметить, что приводимые им рисунки печатей во многом не идентичны оригиналам.

Вторую группу представляют печати куреней Пашковского /нового образца/ и Величковского /рис.7/. В левой половине печати выполнено изображение вооруженного казака, стоящего под короной.

В правой - три предмета, напоминающие верхнюю часть стрелы с наконечником, гарпун; на ряде печатей это больше походит на пики. Очевидно, перед нами эмблема защиты, охраны, пограничного караула. Иконографически она передается как вал с воткнутыми в него палками. В документах печати подобного типа встречаются с 1803 г.

Весьма архаичными представляются нам печати куреней Минского, Полтавского, Платнировского /рис.8/. В центре печати расположен щит с зубчатыми краями. Нижняя часть его покрыта диагональной насечкой, образующей ромбики; в верхней - перекрещенные стрема и сабля. Сверху щит увенчан короной, под ним - две пушки/?./. С одной стороны щита стоит вооруженный казак, с другой - бунчук, два знамени и литавра. Последний известный нам документ с печатью подобного образца датирован 1818 годом.

Часть куренных печатей изготовляли по образцу войсковой, но над казаком, - держащим в одной руке ружье, в другой двукосичный прапор - помещалась пятизубчатая корона. Таковы печати куреней Полтавского и Васюринского. В начале XIX в. встречаются куренные печати с российским государственным орлом, тип которого характерен для второй половины XVIII в. /рис. 9/.

С 1801 г. в документах появляются печати нового черноморского куреня - Березанского /рис.10/. Изображение на ней простое, лаконичное и в то же время выразительное. Казак, одетый в «юбку» /короткая мужская куртка/ и шаровары, держит в одной руке ружье, в другой пик. Слова в круговой надписи разделены шестиконечными звездочками. Эта печать стала образцом и для других куреней.

Вероятно, в начале 20-х гг. XIX в. было принято решение о введении для всех куреней единообразной печати по образцу войсковой. С 1821 г. они уже встречаются на документах /рис.11/. В их центре асимметричный орел с поднятыми крыльями и загнутым в одну сторону хвостом. В лапах, вытянутых в другую сторону, зажаты зубчатые линии, изображающие молнии. Единственное существенное отличие печатей друг от друга состоит в названии куреня.

В заключение рассмотрим и печати кошевых атаманов З.Чепеги, А.Головатого, войскового атамана Ф.Бурсака и войскового есаула М.Гулика, которому в отсутствие в войске атамана Т.Котляревского, по сути дела, принадлежала практически вся власть в Черномории.

По изображениям печати можно разбить на две группы. Печати З.Чепеги /рис.12/ и Ф.Бурсака /рис.13/ выполнены с соблюдением определенных геральдических правил. В них использованы геральдические фигуры, обязательно применяемые при составлении гербов,

композиция построена в строгой симметрии.

Печати А.Головатого /рис.14/ и М.Гулика /рис.15/ - продукт «самодеятельного герботворчества». Содержание их обусловлено больше казачьими традициями и личными вкусами, нежели геральдическими канонами. Они более самобытны и, в определенном смысле, более интересны. Эмблемы их более образны и символичны, что, кстати, в определенной мере затрудняет интерпретацию.

Приведем описание обозначенных выше печатей. Печать З.Чепеги выполнена в форме овала размером 32х27 мм. Центральную ее часть занимает щит, представляющий одну из форм геральдических щитов немецкого типа. В нем изображены перекрещенные стрела / короткое копье ?/ и сабля. Над щитом - корона, по ее сторонам - инициалы «З» и «Ч». С одной стороны щита два ниспадающих знамени, с другой - вставший на дыбы единорог. К нижней части щита «подвешен» Георгиевский крест. По его сторонам из-под щита выходят казенные части оружий. Рядом два предмета, не поддающиеся определению /возможно, литавры/.

Семантика этой сцены достаточно ясна. Она скомпонована в основном из военных атрибутов и свидетельствует об успехах владельца печати на боевых полях. Особый интерес вызывает фигура единорога - символического животного в виде коня с рогом в передней части головы. Единорог встречается на гербах нередко, но как правило в среде высшего дворянства, лиц княжеских и королевских фамилий. В России он стал личной эмблемой Ивана IV - и с этого времени трактуется как выражение силы, способности одолении каких-то враждебных сил. Нередко единорог выступает как символ чистоты, непорочности, неустранимости и т.д.

Щит на печати Ф.Бурсака - овальной формы /т.е. итальянского геральдического типа/. В нем изображена выходящая из облаков рука, облаченная в латные доспехи и держащая саблю. Щит наложен на «трофеи», симметрично расположенные по обе стороны в следующем порядке: сабельные эфесы, трубы, знамена, орудия на двухколесных лафетах, ядра, сложенные пирамидками по три штуки. Над щитом - корона, по ее сторонам - инициалы «Ф» и «Б», под щитом - пара литавр.

Сюжет этой сцены незатейлив: он представляет индивидуальную компоновку стандартного набора военных атрибутов, широко употреблявшихся русскими офицерами. Особого внимания заслуживает изображение вооруженной руки, выходящей из облаков. Этот сюжет был широко распространен в европейской символике. Из Западной Европы он попал вначале на солдатские знамена иноземных полков русской армии, а затем и в российскую геральдику. Трактуя руку по-разному, чаще всего как символ пожизненной службы.

Однако не исключено, что в данном случае на печати изображен один из видов «погони» - эмблемы, широко используемой в польско-литовской геральдике. «Погоня» - изображение вооруженного рыцаря, скачущего на коне. В разных дворянских гербах использовались и разные виды «погонь». Известно их пять. Один из них - изображение вместо всадника только вооруженной руки, выходящей из облаков. И если в дворянском гербе рода Бурсаков в нижней части щита изображена полная погоня /т.е. скачущий на коне всадник/, то на печати мог быть выполнен ее усеченный вариант.

Половину печати А.Головатого занимает изображение казака, одетого в широкие шаровары, короткую куртку и грушевидный головной убор с узким околышем. В левой руке он держит двухкосичное знамя, в правой - ружье. Иконография казака явно заимствована с войсковой печати.

Вторую половину печати заполняет целый ряд изображений. В верхней части находится сердце; по одну его сторону расположен крест /Георгиевский?/, по другую - фигура, похожая на курдскую саблю с полукруглым боевым концом и эфесом в форме креста. В нижней части на переднем плане смутно определяемое, схематичное изображение корабля.

Рис. к статье Фролов Б.Е. «ПЕЧАТИ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ

Печать М. Гулика лаконична «и образна. На ней изображено небольшое одномачтовое судно с двумя развивающимися флагами /казацья гребная флотилия была составлена из канонерских лодок/. На корме у руля - казак. В центре судна непропорционально большая фигура казака, держащего в правой руке пернач, а в левой - бунчук/?. Вероятнее всего, это изображение самого владельца печати. По сторонам мачты вырезаны буквы «М», «Г».

Печати З. Чепеги и А. Головатого обнаружены в документах 1796 г. Наличие на печатях наградных крестов позволяет установить нижнюю границу времени их изготовления. Грамота на пожалование ордена св. Георгия З. Чепеге датирована 4 декабря 1792 г.. Т.Е., печать не могла быть изготовлена ранее 1793 г.. Печать М. Гулика встречается на документах периода исправления им должности войскового есаула /1796-1799 гг./. И хотя рисунок на печати представляет собой отзвук его успехов на морском поприще в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг. /он командовал 4-й частью казачьей флотилии/, она вряд ли была изготовлена в это время, так как документы этого периода Мокий Гулик заверял малой войсковой печатью. Печать генерал-майора Ф.Я. Бурсака зафиксирована в документах 1815 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья написана по материалам Государственного архива Краснодарского края и Краснодарского историко-археологического музея-заповедника.

Подано в набор 22.12.98. Подписано в печать 25.12.98.

Гарнитура Ариал. Печать офсетная. Усл. п.л. 4,1.

Заказ 499. Тираж 100 экз.